

Константин Бальмонт

ГОРЯЩИЕ ЗДАНИЯ

Лирика современной души

Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить.
Бальмонт

*Посвящаю эту книгу рубиновых страниц
моему другу
С. А. Полякову,
с которым мы вместе ее пережили.*
К. Бальмонт
Москва, 3 января

1. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ (1899)

Эта книга почти целиком написана под властью одного настроения, на долгие недели превратившего мою жизнь в сказку. Я был захвачен страстной волной, которая увлекла меня и держала в плену, бросала вверх, бросала вниз, и я не мог выйти из нее, пока сам не овладел ею, поняв ее сущность.

Я был в замкнутой башне, и видел сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотел выйти из башни, потому что в человеке есть неудержимая потребность бежать к месту пожара. Но я не мог выйти на волю, пока не понял самого себя.

Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая в своей душе искусственной любви к тому, что является теперь современностью и что в иных формах повторялось неоднократно, я никогда не закрывал своего слуха для голосов, звучащих из прошлого и неизбежного грядущего. Я не уклонялся от самого себя и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечет к новым берегам. В этой книге я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немотствуют, не имея голоса, а иногда имея его, но не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я.

У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сделал это в предлагаемой книге, и, быть может, тем, кто чувствует созвучно со мной, она поможет прийти к тому внутреннему освобождению, которого я достиг для себя.

В предшествующих своих книгах – *Под Северным Небом*, *В Безбрежности* и *Тишина* я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнет новое.

В воздухе есть скрытые течения, которые пересоздают душу.

Если мои друзья утомились смотреть на белые облака, бегущие в голубых пространствах, если мои враги устали слушать звуки струнных инструментов, пусть и те и другие увидят теперь, умею ли я ковать железо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь.

Имение Поляковых «Баньки»,

Московского уезда

2. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ (1903)

МОИ ВРАГИ

О, да, их имена суть многи,
Чужда им музыка мечты.
И так они серо-убоги,
Что им не нужно красоты.

Их дразнит трепет скрипки страстной,
И роз красивых лепестки.
Едва махнешь им тканью красной,
Они мнутся, как быки.

Зачем мы ярких красок ищем,
Зачем у нас так светел взгляд!
Нет, если вежлив ты, пред нищим
Скрывай, поэт, что ты богат.

Отдай свой дух мышинным войнам,
Забудь о бездне голубой.
Прилично ль быть красиво-стройным,
Когда уроды пред тобой!

Подслеповатыми глазами
Они косятся на цветы.
Она питаются червями,
О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянут, –
И в норы прячутся сейчас:
Вдруг вовсе видеть перестанут,
И станут дырки вместо глаз.

Но мне до них какое дело,
Я в облаках моей мечты.
С недостижимого предела
Роняю любящим цветы.

Свечу и жгу лучом горячим,
И всем красивым шлю привет.
И я ничто – зверям незрячим,
Но зренью светлых – я расцвет!

*14 августа. День.
Меррекуль, Эстляндской губ.*

3. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ (1904)

Как странно перебирать старые бумаги, перелистывать страницы, которые жили – и погасли для тебя, их написавшего. Они дороги и чужды, как лепестки подаренных увядших цветов, как письма женщин, в которых ты пробудил непонятность, что зовется любовью, как выцветшие портреты отошедших людей. Вот я смотрю на них, и многое в этом старом удивляет меня новизной. В свете мгновений я создавал эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались в свою музыку, я был их частью, когда они звенели. Они отзвенели и навеки унесли с собою свою тайну. И я другой, мне перестало быть понятным, что было так ярко-постижимо, когда я был их созвучной и покорной частью, их соучастником. Я другой, я один, мне осталось лишь несколько золотых песчинок из сверкавшего потока времени, несколько страстных рубинов, и несколько горячих испанских гвоздик, и несколько красных мировых роз.

Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняю и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова и снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы.

Я откидываюсь от разума к страсти, я опрокидываюсь от страстей в разум. Маятник влево, маятник вправо. На циферблате ночей и дней неизбежно должно быть движение. Но философия мгновенья не есть философия земного маятника. Звон мгновенья – когда его любишь, как я, – из области надземных звонов. Я отдаюсь мировому, и Мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои. Мне близки красивые и некрасивые. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в Древнем Риме, где-то в вечной Индии, где-то в той стране, чье имя – Майя. Я говорю с врагом, а сам в то же время тайно люблю его, хотя бы я говорил самые жесткие слова. О, клянусь, в те мгновенья, когда я – действительно я, мне близки все, мне понятно и дорого все. Мне понятны вершины, я на них всходил, мне понятно низкое, я низко падал, мне понятно и то, что вне пределов высокого и низкого. Я знаю полную свободу. Безмерность может замкнуться в малое. Песчинка может превратиться в систему звездных миров. И слабыми руками будут воздвигнуты безмерные зданья во имя Красоты. И сгорят города, и сгорят леса, а там, где они шумели и молчали, возникнут новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вечная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: бог покоя и бог движения. Я люблю их обоих. Но я не долго медлю с первым. Я побыл с ним. Довольно. Я вижу быстрые блестящие глаза. Магнит моей души! Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки. Я отдаюсь мировому. Мне страшно. Мне сладко. Мир вошел в меня. Прощай, мое вчера. Скорей к неизвестному Завтра!

К. Бальмонт

3 января. Ночь.
Москва

КРИК ЧАСОВОГО

Сонет

Mis arreos son las armas,
mi descanso, el pelear,
mi cama, las duras peñas,
mi dormir, siempre velar.
Romance de Moriana

Мой наряд – бранные доспехи,
Мое отдохновение – где битва и беда,
Моя постель – суровые утесы,
Мое дремать – не спать никогда.
Старинная испанская песня

Пройдя луга, леса, болота, горы,
Завоевав чужие города,
Солдаты спят. Потухнувшие взоры –
В пределах дум. Снует их череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытых слов созвучные узоры,
Невинность чувств, погибших навсегда, –
Солдаты спят, как нищие, как воры.

Назавтра бой. Поспешен бег минут.
Все спят. Все спит. И пусть. Я – верный – тут.
До завтра сном беспечно усладитесь.

Но чу! Во тьме – чуть слышные шаги.
Их тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ОТСВЕТЫ ЗАРЕВА

А меж тем огонь безумный
И глухой, и многошумный,
Все горит.
Эдгар По

Leaping higher, higher, higher...

E. A. Poe

КИНЖАЛЬНЫЕ СЛОВА

I will speak daggers.

Hamlet

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!

Упоение покоя –
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов,
И предсмертных восклицаний!

ПОЛНОЧЬ И СВЕТ

Полночь и свет знают свой час.
Полночь и свет радуют нас.
В сердце моем – призрачный свет.
В сердце моем – полночи нет.

Ветер и гром знают свой путь.
К лону земли смеют прильнуть.
В сердце моем буря мертва.
В сердце моем гаснут слова.

Вечно ли я буду рабом?
Мчитесь ко мне, буря и гром!
Сердце мое, гибли в огне!
Полночь и свет, будьте во мне!

СЛОВО ЗАВЕТА

Oh hombre! pregunta á los brutos
irracionales, que ellos te enseñarán...
Diego de Estella

О, человек, спроси зверей,
Спроси безжизненные тучи!
К пустыням вод беги скорей,
Чтоб слышать, как они певучи!
Беги в огромные леса,
Взгляни на сонные растенья,
В чьей нежной чашечке оса
Впивает влагу наслажденья!
Им ведом их закон, им чуждо заблужденье.

Зачем же только ты один
Живешь в тревоге беспримерной?
От колыбели до седин
Ты каждый день – другой, неверный!
Зачем сегодня, как вчера,
Ты восклицанье без ответа?
Как тень от яркого костра,
Ты в ночь бежишь от места света,
И чаща вокруг тебя безмолвием одета.

Проникни силою своей
В язык безмолвия ночного!
О, человек, спроси зверей
О цели странствия земного!
Ты каждый день убийцей был
Своих же собственных мечтаний,
Ты дух из тысячи могил, –
Живи, как зверь, без колебаний! –
И в смерти будешь жить, как остов мощных зданий!

МОРСКОЙ РАЗБОЙНИК

Есть серая птица морская с позорным названьем – глупыш.
Летит она вяло и низко, как будто бы спит, – но, глядишь,
Нависши уродливым телом над быстро сверкнувшей волной,
Она увлекает добычу с блестящей ее чешуей.
Она увлекает добычу, но дерзок, красив, и могуч,
Над ней альбатрос длиннокрылый, покинув возвышенность туч,
Как камень, низринутый с неба, стремительно падает ниц,
При громких встревоженных криках окрест пролетающих птиц.
Ударом свирепого клюва он рыбу швырнет в пустоту,
И, быстрым комком промелькнувши, изловит ее налету,
И, глупую птицу ограбив, он крылья расправит свои,
И виден в его уже клюве блестящий отлив чешуи. –

Морской и воздушный разбойник, тебе я слагаю свой стих,
Тебя я люблю за бесстыдство пиратских порывов твоих.
Вы, глупые птицы, спешите, ловите сверкающих рыб,
Чтоб метким хватистым клювом он в воздухе их перешиб!

КАК ИСПАНЕЦ

Как Испанец, ослепленный верой в Бога и любовью,
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде,
Я хочу цветов багряных, мною созданных везде.

Я, родившийся в ущельи, под Сиэррою-Невадой,
Где лишь коршуны кричали за угесистой громадой,
Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса,
Чтобы заревом над Перу засветились небеса.

Меди, золота, бальзама, бриллиантов, и рубинов,
Крови, брызнувшей из груди побежденных властелинов,
Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу,
Мной отысканных пределов жарким сердцем я хочу.

И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам,
И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом,
Чтобы с жадной быстротою Аравийского коня
Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой дня.

И, быть может, через годы, сосчитав свои владенья,
Я их сам же разбросаю, разгоню, как привиденья,
Но и в час переддремотный, между скал родимых вновь,
Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, как кровь.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Быть может, предок мой был честным палачом:
Мне маки грезятся, согретые лучом,
Гвоздики алые, и, полные угрозы,
Махрово-алчные, раскрывшиеся розы.
Я вижу лилии над зыбкою волной:
Окровавленные багряною Луной,
Они, забыв свой цвет, безжизненно-усталый,
Мерцают сказочно окраской ярко-алой,
И с сладким ужасом, в застывшей тишине,
Как губы тянутся, и тянутся ко мне.

И кровь поет во мне... И в тайнстве заклатья

Мне шепчут призраки: «Скорее! К вам в объятья!
Целуй меня.. Меня!.. Скорей... Меня.. Меня!..»
И губы жадные, на шабаш свой маня,
Лепечут страшные призывные признанья:
«Нам все позволено... Нам в мире нет изгнания...
Мы всюду встретимся... Мы нужны для тебя...
Под красным Месяцем, огни лучей дробя,
Мы объясним тебе все бездны наслажденья,
Все тайны вечности и смерти и рожденья».
И кровь поет во мне. И в зыбком полусне
Те звуки с красками сливаются во мне.
И близость нового, и тайного чего-то,
Как пропасть горная, на склоне поворота,
Меня баюкает, и вкрадчиво зовет,
Туманом огненным окутан небосвод,
Мой разум чувствует, что мне, при виде крови,
Весь мир откроется, и все в нем будет внове,
Смеются маки мне, пронзенные лучом..
Ты слышишь, предок мой? Я буду палачом!

Я СБРОСИЛ ЕЕ

Я сбросил ее с высоты,
И чувствовал тяжесть паденья.
Колдунья прекрасная! Ты
Придешь, но придешь – как виденье!

Ты мучить не будешь меня,
А радовать страшной мечтою,
Создание тьмы и огня,
С проклятой твоей красотой!

Я буду лобзать в забыты,
В безумстве кошмарного пира,
Румяные губы твои,
Кровавые губы вампира!

И если я прежде был твой,
Теперь ты мое привиденье,
Тебя я страшнее – живой,
О, тень моего наслажденья!

Лежи искаженным комком,
Обломок погибшего зданья.
Ты больше не будешь врагом...
Так помни, мой друг: Д о с в и д а н ь я!

СКИФЫ

Мы блаженные сонмы свободно кочующих Скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи,
И вершину тех куч украшаем железным мечом.

Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напитавши стрелу смертоносною желчью змеи.

Налетим, прошумим, и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье – война, наша верная сила – в колчане,
Наша гордость – в незнающем отдыха быстром коне.

В ГЛУХИЕ ДНИ

Предание

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот, – озверены и неодеты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,

Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы царили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

ОПРИЧНИКИ

Когда опричники, веселые, как тигры,
По слову Грозного, среди толпы рабов,
Кровавые затевали игры,
Чтоб увеличить полчище гробов, –

Когда невинных жгли и рвали по суставам,
Перетирали их цепями пополам,
И в добавленье к царственным забавам,
На жен и дев ниспосылали срам, –

Когда, облив шута горячею водою,
Его добил ножом осwirепевший царь, –
На небесах, своею чередою,
Созвездья улыбались как встарь.

Лишь только эта мысль в душе блеснет случайно,
Я слепну в бешенстве, мучительно скорбя.
О, если мир – божественная тайна,
Он каждый миг – клеветает на себя!

СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ КРАСНОГО

Предание

Нет, на Руси бывали чудеса,
Не меньшие, чем в отдаленных странах.
К нам также благосклонны Небеса,
Есть и для нас мерцания в туманах.

Я расскажу о чуде старых дней,
Когда, опустошая нивы, доли,

Врываясь в села шайками теней,
Терзали нас бесчинные Монголы.

Жил в Галиче тогда несчастный князь,
За красоту был зван Димитрий Красный.
Незримая меж ним и Небом связь
В кончине обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал кручины.

Кровь из носу без устали текла.
Быть приобщен хотел Святых он Таин,
Но страшная на нем печать была:
Вкруг рта – все кровь, и он глядел – как Каин.

Толпилися бояре, позабыв
Себя – пред ликом горького злосчастья.
И вот ему, молитву сотворив,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрий успокоился, притих,
Вздохнув, заснул, и всем казался мертвым.
И некий сон, но не из снов земных,
Витал над этим трупом распростертым.

Оплакали бояре мертвеца,
И крепкого они испивши меда,
На лавках спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвного народа.

И вдруг один боярин увидал,
Как, шевельнул чуть зримо волосами,
Мертвец, покров содвинув, тихо встал, –
И начал петь с закрытыми глазами.

И в ужасе, среди полнотной тьмы,
Бояре во дворец народ впустили.
А мертвый, стоя, белый, пел псалмы,
И толковал значенье Русской были.

Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,
И умер как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

СКОРПИОН

Сонет

Я окружен огнем кольцеобразным,
Он близится, я к смерти присужден, –
За то, что я родился безобразным,
За то, что я злоеший скорпион.

Мои враги глядят со всех сторон,
Кошмаром роковым и неотвязным, –
Нет выхода, я смертью окружен,
Я пламенем стеснен многообразным.

Но вот, хоть все ужасней для меня
Дыханья неотступного огня,
Одним порывом полон я, безбольным.

Я гибну. Пусть. Я вызов шлю судьбе.
Я смерть свою нашел в самом себе.
Я гибну скорпионом – гордым, вольным.

* * *

Я люблю далекий след – от весла,
Мне отрадно подойти – вплоть до зла,
И его не совершив – посмотреть,
Как костер, вдали, за мной – будет тлеть.

Если я в мечте поджег – города,
Пламя зарева со мной – навсегда.
О, мой брат! Поэт и царь – сжегший Рим!
Мы сжигаем, как и ты – и горим!

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

And seem a saint, when most I play the devil.
King Richard III

Кажусь святым, роль дьявола играя.
Ричард Третий

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей; –
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей; –
Взоры полусонные,
Нежные, влюбленные,
Дымкой окаймленные,
Тонкие черты,
То мои несмелые,
То воздушно-белые,
Сладко онемелые,
Легкие цветы.

Чувственно-неясные,
Девственно прекрасные,
В страстности бесстрастные,
Тайны и слова; –
Шорох приближения,
Радость отражения,
Нежный грех внушения,
Дышащий едва; –
Зыбкие и странные,
Вкрадчиво-туманные,
В смелости неожиданные,
Проблески огня, –
То мечты, что встретятся
С теми, кем отметятся,
И опять засветятся
Эхом для меня!

СЛОВА ЛЮБВИ

Слова любви, несказанные мною,
В моей душе горят и жгут меня.
О, если б ты была речной волною,
О, если б я был первой вспышкой дня!
Чтоб я, скользнув чуть видимым сияньем,
В тебя проник дробящейся мечтой, –
Чтоб ты, моим блеснув очарованьем,
Жила своей подвижной красотой!

ХЛОПЬЯ ТУМАНА

1

Можно вздрогнуть от звука шагов,
Не из чувства обмана,
А из жажды остаться вдвоем в нетревожимом счастье снов,
Под владычеством чары, воздушной, как грань облаков,
Можно горько бояться, что светлые хлопья тумана
Разойдутся – не слившись, умрут, – слишком рано.

2

О, в душе у меня столько слов для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3

Я как сон пред тобой, я как сон голубой,
Задремавший на синем цветке.
Я как шорох весны, я как вздох тишины,
Как тростник, наклоненный к реке.
Я как легкий ковыль, как цветочная пыль,
Каждый миг и дышу, и дрожу.
Я как летняя мгла, что светла и тепла,
И тебе все без слов я скажу.

ОПЯТЬ

Я хотел бы тебя заласкать вдохновением,
Чтоб мои над тобой трепетали мечты,
Как струится ручей мелодическим пением
Заласкать наклонившихся лилий цветы,
Чтобы с каждым нахлынувшим новым мгновением
Ты шептала: «Опять! Это – ты! Это – ты!»

О, я буду воздушным и нежно внимательным,
Буду вкрадчивым, – только не бойся меня,
И к непознанным снам, так желанно-желательным,
Мы уйдем чрез слияние ночи и дня,
Чтоб угаданный свет был как будто гадательным,
Чтоб мы оба зажглись от того же огня.

Я тебя обожгу поцелуем томительным,
Несказанным – одним – поцелуем мечты,
И блаженство твое будет сладко медлительным,
Между ночью и днем, у заветной черты,
Чтоб, закрывши глаза, ты в восторге мучительном

Прошептала: «Опять! Ах, опять! Это – ты!»

СРЕДИ КАМНЕЙ

Я шел по выжженному краю
Каких-то сказочных дорог.
Я что-то думал, что, не знаю,
Но что не думать – я не мог.

И полумертвые руины
Полузабытых городов
Безмолвны были, как картины,
Как голос памятных годов.

Я вспоминал, я уклонялся,
Я изменялся каждый миг,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мне мой собственный двойник.

И утомительно мелькали
С полуослепшей высоты,
Из тьмы руин, из яркой дали,
Неговорящие цветы.

Но на крутом внезапном склоне,
Среди камней, я понял вновь,
Что дышет жизнь в немом затоне,
Что есть бессмертная любовь.

БЕЛЛАДОННА

Счастье души утомленной –
Только в одном:
Быть как цветок полусонный
В блеске и шуме дневном,
Внутренним светом светиться,
Все позабыть, и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающим сном.

Счастье ночной белладонны –
Лаской убить.
Взоры ее полусонны,
Любо ей день позабыть,
Светом Луны расцветаться,
Сердцем с Луною встречаться,

Тихо под ветром качаться,
В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали.
Радость моя!
Радости нет без печали,
Между цветами – змея.
Кто же с душой утомленной
Вспыхнет мечтой полусонной,
Кто расцветет белладонной, –
Ты или я?

Я БУДУ ЖДАТЬ

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся – безмолвие несчастья,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,
Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою,
Лицом всегда склоненным ниц,
Своей неровною походкою
Крылатых, но не ходких птиц,

Ты будишь чувства тайно-спящие. –
И знаю, не затмит слеза
Твои куда-то прочь глядящие,
Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты неожиданная,
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

НЕЖНЕЕ ВСЕГО

Твой смех прозвучал, серебристый,
Нежней, чем серебряный звон, –
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Нежней, чем признание во взгляде,
Где счастье желанья зажглось, –
Нежнее, чем светлые пряди
Внезапно упавших волос.

Нежнее, чем блеск водоема,
Где слитное пение струй, –
Чем песня, что с детства знакома,
Чем первой любви поцелуй.

Нежнее того, что желанно
Огнем волшебства своего, –
Нежнее, чем Польская панна,
И, значит, нежнее всего.

ВОЛНА

Набегают, уходит, и снова, светясь, возвращается,
Улыбается, манит, и плачет с притворной борьбой,
И украдкой следит, и обманно с тобою прощается, –
И мелькает, как кружево, пена во мгле голубой.
О, волна, подожди! Я уйду за тобой!
О, волна, подожди! Но отхлынул прибой.
Серебристые нити от новой Луны засвечаются,
Все вольней и воздушней – уплывшему в даль кораблю.
И лучистые волны встречаются, тихо качаются,
Вырастает незримое рабство, я счастлив, я сплю.
И смеется волна: «Я тебя утоплю!
Утоплю, потому что безмерно люблю!»

ОСЕНЬ

Вы умрете, стебли трав,
Вы вершинами встречались,
В легком ветре вы качались,
Но, блаженства не видав,
Вы умрете, стебли трав.

В роще шелест, шорох, свист
Тихий, ровный, заглушенный,
Отдаленно-приближенный.

Умирает каждый лист,
В роще шелест, шорох, свист.

Сонно падают листья,
Смутно шепчутся вершины,
И березы, и осины.
С измененной высоты
Сонно падают листья.

ОТЦВЕЛИ

Отцвели – о, давно! – отцвели орхидеи, мимозы,
Сновиденья нагретых и душных и влажных теплиц.
И в пространстве, застывшем, как мертвенный цвет туберозы,
Чуть скользят очертанья поблекших разлюбленных лиц.

И бледнеют, и тонут в душе, где развалины дремлют,
В этой бездне, где много, где все пробегает на миг,
В переходах, где звукам их отзвуки, вторя, не внемлют,
Где один для меня сохранился немеркнувший лик.

Этот образ – в созвучии странном с душою моею,
В этом лике мы оба с тобою узнаем себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смею,
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю с безупречною нежностью духа и брата,
Я люблю, как звезду отдаленная любит звезда,
Как цветок, что еще не растратил в душе аромата,
Я с тобой – я люблю – я с тобой – разлучен – навсегда.

ЗАМОК ДЖЭН ВАЛЬМОР

Баллада

1

В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной,
Толпятся гости с давних пор,
В тоске беспеременной:
Во взор ее лишь бросишь взор,
И ты навеки пленный.

2

Красивы замки старых лет.
Зубцы их серых башен
Как будто льют чуть зримый свет,
И странен он и страшен,
Немым огнем былых побед
Их гордый лик украшен.

3

Мосты подъемные и рвы, –
Замкнутые владенья.
Здесь ночью слышен крик совы,
Здесь бродят привиденья.
И странен вздох седой травы
В час лунного затмения.

4

В старинном замке Джэн Вальмор
Чуть ночь – звучат баллады.
Поет струна, встает укор,
А где-то – водопады,
И долог гул окрестных гор,
Ответствуют громады.

5

Сегодня день рожденья Джэн.
Часы тяжелым боем
Сзывают всех, кто взят ей в плен,
И вот проходят роем
Красавцы, Гроль, и Ральф, и Свен,
По сумрачным покоем.

6

И нежных дев соседних гор
Здесь ярко блещут взгляды,
Эрглэн, Линор, – и ясен взор
Пышноволосой Ады, –
Но всех прекрасней Джэн Вальмор,
В честь Джэн звучат баллады.

7

Певучий танец заструил

Медлительные чары.
Пусть будет с милой кто ей мил,
И вот кружатся пары.
Но бог любви движеньем крыл
Сердцам готовит кары.

8

Да, взор один на путь измен
Всех манит неустанно.
Все в жизни – дым, все в жизни – тлен,
А в смерти все туманно.
Но ради Джэн, о, ради Джэн,
И смерть сама желанна.

9

Бьет полночь. – «Полночь!» – Звучный хор
Пропел балладу ночи. –
«Беспечных дней цветной узор
Был длинен, стал короче». –
И вот у гордой Джэн Вальмор
Блеснули странно очи.

10

В полночный сад зовет она
Безумных и влюбленных,
Там нежно царствует Луна
Меж елей полусонных,
Там дышет нежно тишина
Среди цветов склоненных.

11

Они идут, и сад молчит,
Прохлада над травой,
И только здесь и там кричит
Сова над головою,
Да в замке музыка звучит
Прощальной мольбою.

12

Идут. Но вдруг один пропал,
Как бледное виденье,
Другой холодным камнем стал,

А третий – как растенье.
И обнял всех незримый вал
Волненьем измененья.

13

Под желтой дымною Луной,
В саду с травой седою,
Безумцы, пестрой пеленой,
И разной чередою,
Оделись формою иной
Пред девой молодою.

14

Исчезли Гроль, и Ральф, и Свен
Среди растений сада.
К цветам навек попали в плен
Эрглэн, Линор, и Ада.
В глазах зеленоглазой Джэн –
Змеиная отрада.

15

Она одна, окружена
Тенями ей убитых.
Дыханий много пьет она
Из этих трав излитых.
В ней – осень, ей нужна весна
Восторгов ядовитых.

16

И потому, сплетясь в узор,
В тоске беспеременной,
Томятся души с давних пор,
Толпой навеки пленной,
В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной.

ЧАРЫ МЕСЯЦА

Медленные строки

Между скал, под властью мглы,
Спят усталые орлы.
Ветер в пропасти уснул,
С Моря слышен смутный гул.

Там, над бледною водой,
Глянул Месяц молодой,
Волны темные возвал,
В Море вспыхнул мертвый вал.

В Море вспыхнул светлый мост,
Ярко дышут брызги звезд.
Месяц ночь освободил,
Месяц Море победил.

2

Свод небес похолодел,
Месяц миром овладел,
Жадным светом с высоты
Тронул горные хребты.

Все безмолвно захватил,
Вызвал духов из могил.
В серых башнях, вдоль стены,
Встали тени старины.

Встали тени и глядят,
Странен их недвижный взгляд,
Странно небо над водой,
Властен Месяц молодой.

3

Возле башни, у стены,
Где чуть слышен шум волны,
Отделился в полумгле
Белый призрак Джамилэ.

Призрак царственный княжны
Вспомнил счастье, вспомнил сны,
Все, что было так светло,
Что ушло – ушло – ушло.

Тот же воздух был тогда,
Та же бледная вода,
Там, высоко над водой,
Тот же Месяц молодой.

Все слилось тогда в одно
Лучезарное звено.
Как-то странно, как-то вдруг,
Все замкнулось в яркий круг.

Над прозрачной мглой земли
Небеса произнесли,
Изменяясь едва,
Незабвенные слова.

Море пело о любви,
Говоря: «Живи! живи!»
Но, хоть вспыхнул в сердце свет,
Отвечало сердце: «Нет!»

Возле башни, в полумгле,
Плачет призрак Джамилэ.
Смотрят тени вдоль стены,
Светит Месяц с вышины.

Все сильнее идет прибой
От равнины голубой,
От долины быстрых вод,
Вечно мчащихся вперед.

Волны яркие плывут,
Волны к счастью зовут,
Вспыхнет легкая вода.
Вспыхнув, гаснет навсегда.

И еще, еще идут,
И одни других не ждут,
Каждой дан один лишь миг,
С каждой есть волна-двойник.

Можно только раз любить,
Только раз блаженным быть,
Впить в себя восторг и свет, –
Только раз, а больше – нет.

Камень падает на дно,
Дважды жить нам не дано.
Кто ж придет к тебе во мгле,

Белый призрак Джамилэ?

7

Вот уж с яркою звездой
Гаснет Месяц молодой.
Меркнет жадный свет его,
Исчезает колдовство.

Скучным утром дышет даль,
Старой башне ночи жаль,
Камни серые глядят,
Неподвижен мертвый взгляд.

Ветер в пропасти встает,
Песню скучную поет.
Между скал, под влагой мглы,
Просыпаются орлы.

* * *

Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ничего,
И навек проститься с небесами,
И понять, что все кругом мертво.

Можно жить, безмолвно холодея,
Не считая гаснущих минут,
Как живет осенний лес, редая,
Как мечты поблекшие живут.

Можно все заветное покинуть,
Можно все бесследно разлюбить.
Но нельзя к минувшему остынуть,
Но нельзя о прошлом позабыть!

СОВЕСТЬ

Je dis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces aveugles?
Baudelaire

Я говорю: Слепцы! Что нужно им от Неба?
Бодлер

СУМРАЧНЫЕ ОБЛАСТИ

Сумрачные области совести моей,
Чем же вы осветитесь на исходе дней, –
Сумраки отчаянья, дыма, и страстей?

Вы растете медленно, но как глыбы туч,
Ваш провал безмолвия страшен и могуч,
Вы грозите скрытою гибельностью круч.

После детства ровного с прелестью лугов,
После отыскания новых берегов,
Наши мысли гонят нас, гонят, как врагов.

Ни минуты отдыха, жизнь к себе зовет,
Дышет глянцевитостью наш водоворот,
Ни минуты отдыха, дальше, все вперед.

Чуть мечтой измеряешь дальние края,
Вот уже испорчена молодость твоя,
Стынет впечатлительность к сказкам бытия.

И душой холодной, полной пустоты,
В жажде новых пряностей, новой остроты,
Тянешься, дотянешься до своей черты.

До черты губительной в бездне голубой,
Где ты вдруг очутишься – с призраком – с собой,
Искаженный жадностью, грубый, и слепой.

И среди отчаянья, дыма, и теней,
Чем же ты осветишься на исходе дней?
Горе! Как ты встретишься с совестью своей?

ПОД ЯРМОМ

Как под ярмом быки влекут тяжелый воз,
И оставляют след продольностью колес,
Так ваши помыслы, намеренья, деянья
За нами тянутся, готова горечь слез,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья, –
Они накопятся, и, рухнув, как утес,
Глухими гулами ворвутся к нам в сознание,
Как крик раскаянья, как вопль воспоминанья.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Стараясь выбирать тенистые места,
Я ехал по лесу, и эта красота
Деревьев, дремлющих в полуденном покое,
Как бы недвижимо купающихся в зное,
Меня баюкала, и в душу мне проник
Дремотных помыслов мерцающий родник.
Я вспомнил молодость... Обычные мгновенья
Надежд, наивности, влюбленности, забвенья,
Что светит пламенем воздушно-голубым,
И превращается внезапно в черный дым.

Зачем так памятно, немою пеленою,
Виденья юности, вы встали предо мною?
Уйдите. Мне нельзя вернуться к чистоте,
И я уже не тот, и вы уже не те.
Вы только призраки, вы горькие упреки,
Терзанья совести, просроченные сроки.
А я двойник себя, я всадник на коне,
Бесцельно едущий – куда? Кто скажет мне!
Все помню... Старый сад... Цветы... Чуть дышат ветки...
Там счастье плакало в заброшенной беседке,
Там кто-то был с лицом, в котором боли нет,
С лицом моим – увы – моим в шестнадцать лет.
Неподражаемо-стыдливые свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющие в душе лишь в те года,
«Люблю», «Я твой», «Твоя», «Мой милый», «Навсегда».
Как сладко вместе быть! Как страшно сесть с ней рядом!
Как можно выразить всю душу быстрым взглядом!
О, сказкой ставшая, поблекнувшая быль!
О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Темней ложится тень, сокрыт густым навесом
Родной мой старый сад, смененный диким лесом.
Невинный шопот снов, ты сердцем позабыт,
Я слышу грубый звук, я слышу стук копыт.
То голос города, то гул глухих страданий,
Рожденных сумраком немых и тяжких зданий.
То голос призраков, замученных тобой,
Кошмар, исполненный уродливой борьбой,
Живое кладбище блуждающих скелетов
С гнилым роскошеством заученных ответов,
Очаг, в чью пасть идут хлеба с кровавых нив,
Где слабым места нет, где силен тот, кто лжив.
Но там есть счастье – уйти бесповоротно,
Душой своей души, к тому, что мимолетно,
Что светит радостью иного бытия,
Мечтать, искать, и ждать, – как сделал это я.
Мне грезились миры, рожденные мечтою,

Я землю осенял своею красотою,
Я всех любил, на все склонял свой чуткий взор,
Но мрак уж двинулся, и шел ко мне, как вор.

Мне стыдно плоскости печальных приключений,
Вселенной жаждал я, а мой вампирный гений
Был просто женщиной, познавшей лишь одно,
Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
Она так медленно раскидывала сети,
Мы веселились с ней, мы были с ней как дети.
Пронизан солнцем был ласкающий туман,
И я на шее вдруг почувствовал аркан.
И пьянство дикое, чумной порок России,
С непобедимостью властительной стихии,
Меня низринуло с лазурной высоты
В провалы низости, тоски, и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшат воспоминанья.
Хочу забыть себя, убить самосознание.
Что пользы вспоминать теперь, перед концом,
Что я случайно был и мужем, и отцом,
Что хоронил детей, что иногда, случайно...
О, нет, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
Умрет в тебе самом, как умерло давно,
Что было так светло Судьбой тебе дано.
Но где я? Что со мной? Вокруг меня завеса
Непроницаемо-запутанного леса,
Повсюду – острые и цепкие концы
Ветвей, изогнутых и сжатых, как щипцы.
Они назойливо царапают и ранят,
Дорогу застыт мне, глаза мои туманят,
Встают преградою смутившемуся дню,
Ложатся под ноги взыгравшему коню.
Я вижу чудища за ветхими стволами,
Они следят за мной, мигают мне глазами,
С кривой улыбкою. – Последний луч исчез.
Враждебным ропотом и смехом полон лес.
Вершины шорохом окутались растущим,
Как бы предчувствием пред сумрачным грядущим.
И тучи зыбкие, на небе голубом,
С змеистой молнией рождают гул и гром.
Удар, еще удар, и вот вблизи налево,
Исполнен ярости и мстительного гнева,
Взметнулся огненный пылающий язык.
В сухом валежнике как будто чей-то крик,
Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье,
И замер. И кругом, везде – огонь, шипенье,
Деревьев-факелов кипящий дымный ад,
И бури бешеной раскатистый набат.
Порвавши повод, средь чадного тумана,
Как бы охваченный прибоем океана,
Мой конь несет меня, и странно-жутко мне

На этом взмыленном испуганном коне.
Лесной пожар гудит. Я понял предвещанье,
Перед душой моей вы встали на прощанье,
О, тени прошлого! – Простите же меня,
На страшном рубеже, средь дыма и огня!

РАССВЕТ

Медленные строки

Я помню... Ночь кончалась,
Как будто таял дым.
И как она смеялась
Рассветом голубым.

Безмолвно мы расстались,
Чужие навсегда.
И больше не видались.
И канули года.

И память изменяла,
Тебя я забывал.
Из бледного бокала
Блаженство допивал.

И новыми огнями
Себя я ослепил.
И дни ушли за днями,
И жизнь я вновь любил.

Не жизнь, а прозябанье
В позорном полусне:
Я пил без колебанья,
Искал мечты в вине.

И вот хохочут струны,
Бесчинствует порок,
И все душою юны:
Рассвет еще далек.

Смелеет опьяненье,
И сердцу жизнь смешна.
Растаяли сомненья,
Исчезла глубина.

И крепко спят упреки.
И манят вновь и вновь –
Подкрашенные щеки,
Поддельная любовь.

И миг забвенья длится,
И царствует вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Но кто это смущает
Туманностью лица
И молча возвещает,
Что правде нет конца?

То чудится мне снова,
В последний миг утех,
Рассвета голубого
Немой холодный смех.

И пляшущие тени
Застыли, отошли.
Я вижу вновь ступени,
Забытые вдали.

И все, чем жил когда-то,
Я снова полюбил.
Но больше нет возврата
К тому, чем прежде был.

Зловещая старуха,
Судьба глядит в окно.
И кто-то шепчет глухо,
Что я погиб давно.

ДЫМ

Мы начинаем дни свои
Среди цветов и мотыльков,
Когда прозрачные ручьи
Бегут меж узких берегов.

Мы детство празднуем, смеясь,
Под небом близким и родным,
Мы видим пламя каждый час,
Мы видим светлый дым.

И по теченью мы идем,
И стаи пестрые стрекоз,
Под Солнцем, точно под дождем,
Свевают брызги светлых слез.

И по теченью мы следим

Мельканья косвенные рыб,
И точно легкий темный дым,
Подводных трав изгиб.

Счастливый путь. Прозрачна даль.
Закатный час еще далек.
Быть может, близок. Нам не жаль.
Горит и запад и восток.

И мы простились с нашим днем,
И мы, опомнившись, глядим,
Как в небе темно-голубом
Плывет кровавый дым.

И ПЛЫЛИ ОНИ

И плыли они без конца, без конца,
Во мраке, но с жаждою света.
И ужас внезапный объял их сердца,
Когда дождались ответа.

Огонь появился пред взорами их
В обрыве лазури туманной.
И был он прекрасен, и ровен, и тих,
Но ужас объял их нежданный.

Как тени слепые, закрывши глаза,
Сидели они, засыпая.
Хоть спали – не спали, им снилась гроза,
Глухая гроза и слепая.

Закрытые веки дрожали едва,
Но свет им был виден сквозь веки.
И вечность раздвинулась, грозно-мертва:
Все реки, безмолвные реки.

На лоне растущих чернеющих вод
Зажегся пожар беспредельный.
Но спящие призраки плыли вперед,
Дорогой прямой и бесцельной.

И каждый, как дремлющий дух мертвеца,
Качался в сверкающем дыме.
И плыли они без конца, без конца,
И путь свой свершили – слепыми.

СКРИЖАЛИ

Мы раздробленные скрижали.
Случевский

Как же Мир не распадется,
Если он возник случайно?
Как же он не содрогнется,
Если в нем начало – тайна?

Если где-нибудь, за Миром,
Кто-то мудрый Миром правит,
Отчего ж мой дух, вампиром,
Сатану поет и славит?

Смерть свою живым питает,
Любит шабаш преступленья,
И кошмары созидает
В ликованьи исступленья.

А едва изведав низость,
И насытившись позором,
Снова верит в чью-то близость,
Ищет света тусклым взором.

Так мы все идем к чему-то,
Что для нас непостижимо.
Дверь заветная замкнута,
Мы скользим, как тень от дыма.

Мы от всех путей далеки,
Мы везде найдем печали.
Мы – запутанные строки,
Раздробленные скрижали.

НА МОТИВ ИЗ ЗЕНД-АВЕСТЫ

Змей темно-желтый, чье дыханье – яд,
Чей смертоносен вечно-жадный взгляд,
Глядит, – и близь него дрожит блудница,
Волшебная и быстрая, как птица.

Он мучает, он жалит без конца,
Цвет жизни прогоняет он с лица,
Ее душа его душой могуча,
Шатается, качается, как туча.

Гаома желтый, выточи копье,
Пронзи мое глухое забытье,

Я, темный, жду, как крот, во мраке роясь,
Тебе Маздао дал плеядный пояс.

Гаома желтый, чистых мыслей друг,
Закуй меня в алмазно-твердый круг,
Направь свое оружие на блудницу,
Убей скорей уклончивую птицу.

Гаома желтый, сильный сын Земли,
Моей мольбе мучительной внемли,
Я падаю, я падаю, немея,
Скорей убей чудовищного змея.

КОНЕЦ МИРА

Сонет

Начало жизни, это – утро Мая,
Ее конец – отравленный родник.
Предсмертным бурям вечности внимая,
Дух человека в ужасе поник.

В устах, ко лжи привыкших, сдавлен крик.
Позор паденья ярко понимая,
Ум видит алчных духов адский лик.
Тоска – везде – навек – тоска немая.

Могильным блеском вспыхнул серный зной,
И души, как листья цветов лесные,
Горят, – кипит, свистит пожар лесной.

И свод небес, как купол вырезной,
Не звездами заискрился впервые,
А гниlostью, насмешкой над весной.

В АДУ

Если, медленно падая,
Капли жгучей смолы,
Мучителей-демонов радуя,
Оттеняют чудовищность мглы, –

Мне всегда представляется,
Будто вновь я живу,
И сердце мое разрывается,
Но впервые – мне все – наяву.

Вижу всю преисподнюю,
Боль растет и не ждет.
Но славлю я благодать Господнюю!
Это было! Он в ад снизойдет!

Эта мгла – не обманная,
Лжи в страданиях нет.
Привет новизне! О, желанная!
Буду мучиться тысячи лет!

СТРАНА НЕВОЛИ

Verdugo es mi pensamiento.
Calderon

Моя мысль – палач.
Кальдерон

СТРАНА НЕВОЛИ

Coët-an-die, Coët-an-nôs,
Bois du jour, bois de la nuit.
Villiers

Я попал в страну Неволы. Еду ночью, – всюду лес,
Еду днем, – и сеть деревьев заслоняет глубь небес.
В ограниченном пространстве, меж вершинами и мной,
Лишь летучие светлянки служат солнцем и луной.
Промелькнут, блеснут, исчезнут, – и опять зеленый мрак,
И не знаешь, где дорога, где раскрывшийся овраг.
Промелькнут, сверкнут, погаснут, – и на миг в душе моей
Точно зов, но зов загробный, встанет память прошлых дней.
И тогда в узорах веток ясно вижу пред собой
Письмена немых проклятий, мне нашептанных Судьбой.
О безбрежность, неизбежность непонятого пути!
Если каждый шаг – ошибка, кто же мне велел идти?
Разве я своею волей в этом сказочном лесу?
Разве я не задыхаюсь, если в сердце грех несу?
Разве мне не страшно биться между спуганных ветвей?
Враг? Откликнись! Нет ответа, нет луча душе моей.
И своим же восклицаньем я испуган в горький миг, –
Если кто мне отзовется, это будет мой двойник.
А во тьме так страшно встретить очерк бледного лица.
Я попал в страну Неволы...
Нет конца.

В ДУШАХ ЕСТЬ ВСЕ

1

В душах есть все, что есть в небе, и много иного.
В этой душе создано первозданное Слово!
Где, как не в ней,
Замыслы встали безмерною тучей,
Нежность возникла услугой певучей,
Совесь, светильник опасный и жгучий,
Вспышки и блески различных огней, –
Где, как не в ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо не там,
В этих кошмарных глубинах пространства,
Где создаю я и снова создам
Звезды, одетые блеском убранства,
Вечно идущих по тем же путям, –
Пламенный знак моего постоянства.
Небо – в душевной моей глубине,
Там, далеко, еле зримо, на дне.
Дивно и жутко – уйти в запредельность,
Страшно мне в пропасть души заглянуть,
Страшно – в своей глубине утонуть.
Все в ней слилось в бесконечную цельность,
Только душе я молитвы пою,
Только одну я люблю беспредельность,
Душу мою!

2

Но дикий ужас преступления,
Но искаженные черты, –
И это все твои видения,
И это – новый – страшный – ты?

В тебе рождается величие,
Ты можешь бурями греметь,
Из бледной бездны безразличия
Извлечь и золото и медь.

Зачем же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачем ты любишь все могильное,
И всюду сеешь смерть одну?

И в равнодушии надменности,

Свой дух безмерно возлюбя,
Ты создаешь оковы пленности:
Мечту – рабу самой себя?

Ты – блеск, ты – гений бесконечности,
В тебе вся пышность бытия.
Но знак твой, страшный символ Вечности –
Кольцеобразная змея!

Зачем чудовище – над бездною,
И зверь в лесу, и дикий вой?
Зачем миры, с их славой звездною,
Несутся в пляске гробовой?

3

Мир должен быть оправдан весь,
Чтобы можно было жить!
Душою там, я сердцем – здесь.
А сердце как смирить?
Я узел должен видеть весь.
Но как распутать нить?

Едва в лесу я сделал шаг, –
Раздавлен муравей.
Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнью своей,
И не могу не быть, – никак,
Вплоть до исхода дней.

Мое неделанье для всех
Покажется больным.
Проникновенный тихий смех
Развееется как дым.
А буду смел, – замучу тех,
Кому я был родным.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волков,
Среди могильной душной тьмы
Хрипенье стариков,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой врагов. –

Забытый раненый солдат,
И стая хищных птиц,
Отца косой на сына взгляд,
Развратный гул столиц,
Толпы глупцов, безумный ряд
Животно-мерзких лиц. –

И что же? Я ли создал их?
Или они меня?
Поэт ли я, сложивший стих,
Или побег от пня?
Кто демон низостей моих
И моего огня?

От этих тигровых страстей,
Змеиных чувств и дум, –
Как стук кладбищенских костей
В душе зловещий шум, –
И я бегу, бегу людей,
Среди людей – самум.

* * *

Стучи, тебе откроют. Проси, тебе дадут.
– О, Боже! Для чего же назначен Страшный Суд?

В ТЮРЬМЕ

Мы лежим на холодном и грязном полу,
Присужденные к вечной тюрьме.
И упорно и долго глядим в полумглу, –
Ничего, ничего в этой тьме!

Только зыбкие отсветы бледных лампад
С потолка устремляются вниз.
Только длинные шаткие тени дрожат,
Протянулись – качнулись – слились.

Позабыты своими друзьями, в стране,
Где лишь варвары, звери да ночь,
Мы забыли о Солнце, Звездах, и Луне,
И никто нам не может помочь.

Нас томительно стиснули стены тюрьмы,
Нас железное давит кольцо,
И как духи чумы, как рождения тьмы,
Мы не видим друг друга в лицо!

ИЗБРАННЫЙ

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сын Солнца, я – поэт, сын разума, я – царь.
Но предки за спиной, и дух мой искаженный –
Тагуированный своим отцом дикарь.

Узоры пестрые прорезаны глубоко.
Хочу их смыть: Нельзя. Ум шепчет: Перестань.
И, с диким бешенством, я в омуты порока
Бросаюсь радостно, как хищный зверь на лань.

Но, рынку дань отдав, его божбе и давкам,
Я снова чувствую всю близость к Божеству.
Кого-то раздробив тяжелым томагавком,
Я мной убитого с отчаяньем зову.

РАНЕНЬЙ

Я насмерть поражен своим сознанием,
Я ранен в сердце разумом моим.
Я неразрывен с этим мирозданьем,
Я создал мир со всем его страданьем.
Струя огонь, я гибну сам, как дым.

И понимая всю обманность чувства,
Игру теней, рожденных в мире мной,
Я, как поэт, постигнувший искусство,
Не восхищен своею глубиной.

Я сознаю, что грех, и тьма во взоре,
И топь болот, и синий небосклон,
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сон.

Но, видя в жизни знак безбрежной воли,
Создатель, я созданием не любим.
И, весь дрожа от нестерпимой боли,
Живя у самого себя в неволе,
Я ранен насмерть разумом моим.

ПРОКЛЯТИЕ ГЛУПОСТИ

Сонет

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая, и бездна всяких зол,
Как части мира, я терплю вас кротко,

И даже в вас я таинство нашел.

Для тех, кто любит чудищ, все находка,
Иной среди зверей всю жизнь провел,
И как для закоснелых пьяниц – водка,
В гармонии мне дорог произвол.

Люблю я в мире скрип всемирных осей,
Крик коршуна на сумрачном откосе,
Дорог житейских рытвины и гать.

На всем своя – для взора – позолота.
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять!

УРОДЫ

Сонет

Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Лады, разбитые веселостью волны.

И вы мне дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной Природы,
Кривые кактусы, побеги белены,
И змей и ящериц отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство, и беда,
Гоморра и Содом, слепые города,
Надежды хищные с раскрытыми губами, –

О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя Господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами!

БАБОЧКА

Залетевшая в комнату бабочка бьется
О прозрачные стекла воздушными крыльями.
А за стеклами небо родное смеется,
И его не достичь никакими усильями.

Но смириться нельзя, и она не сдается,
Из цветистой становится тусклая, бледная.

Что же пленнице делать еще остается?
Только биться и блекнуть! О, жалкая, бедная!

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЕВА

В день октября, иначе листопада,
Когда бесплодьем скована земля,
Шла дева чрез пустынные поля.
Неверная, она с душой номада
Соединяла дивно-чуткий слух:
В прекрасно-юном теле ветхий дух.

Ей внятен был звук вымерших проклятий,
Призывы оттесняемых врагов,
И ропот затопленных берегов,
Намек невоплотившихся зачатий,
Напев миров, толпящихся окрест,
Дрожания незасвеченных звезд.

Но дева с утомленными глазами,
Внимая всем, кричащим вокруг нее,
Лелеяла безмолвие свое.
Поняв одно за всеми голосами,
Безгласно холодела, как земля,
И шла вперед, чрез мертвые поля.

* * *

Сквозь мир случайностей, к живому роднику,
Идя по жгучему и гладкому песку,
По тайным лестницам взбираясь к высоте,
Крылатым коршуном повисши в пустоте,
Мой дух изменчивый стремится каждый миг,
Все ищет, молится: «О, где же мой родник?
Весь мир случайностей отдам я за него,
За оправдание мечтанья моего,
За радость впить в себя огни его лучей,
За исцеление от старости моей».

ВОЗЛЕ ДЫМА И ОГНЯ

Quién sois vos que hablaáis ansi?

– Un compuesto de contrarios.

Tirso de Molina

Кто ты, чтоб так говорить?

– Сложность противоречий.

Tirso de Molina

КУЗНЕЦ

Ты видала кузнеца?
Он мне нравится, мой друг.
Этот темный цвет лица,
Эта меткость жестких рук,
Эта близость от огня,
Этот молот, этот стук, –
Все в нем радует меня,
Милый друг!

Я хочу быть кузнецом,
Я, работая, пою,
С запылившимся лицом
Я смотрю на жизнь мою,
Возле дыма и огня
Много слов я создаю,
В этом радость для меня, –
Я кую!

ВЫШЕ, ВЫШЕ

Я коснулся душ чужих,
Точно струн, но струн моих.
Я в них чутко всколыхнул
Тихий звон, забытый гул.

Все обычное прогнал,
Легким стоном простонал.
Бросил с неба им цветы,
Вызвал радугу мечты.

И по облачным путям,
Светлым преданный страстям,
Сочетаньем звучных строк
За собою их увлек.

Трепетаньем звонких крыл
Отуманил, опьянил,
По обрывам их помчал,

Забаяюкал, закачал.

Выше, выше, все за мной,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь в сеть мою,
Я пою, пою, пою.

МОЯ ДУША

Моя душа оазис голубой,
Средь бледных душ других людей, бессильных.
Роскошный сон ниспослан мне судьбой,
Среди пустынь, томительных и пыльных.

Везде пески. Свистя, бежит самум.
Лазурь небес укрылася в туманы.
Но слышу я желанный звон и шум,
Ко мне сквозь мглу подходят караваны.

Веселые, раскинулись на миг,
Пришли, ушли, до нового свиданья,
В своей душе лелеют мой двойник,
Моей мечты воздушной очертанья.

И вновь один, я вновь живу собой,
Мне снится радость вечно молодая.
Моя душа оазис голубой,
Мои мечты цветут, не отцветая.

ДУХ ВОЛНЫ

Я слушал Море много лет,
Свой дух ему предав.
В моих глазах мерцает свет
Морских подводных трав.

Я отдал Морю сонмы дней,
Я отдал их сполна.
И с каждой песней все слышней
В моих словах – волна.

Волна стозвучная того,
Чем полон Океан,
Где все – и юно, и мертво,
Все правда и обман.

И я, как дух волны морской,
Среди людей брожу;
Своей певучею тоской
Я всех заморожу.

Огнем зелено-серых глаз
Мне чаровать дано.
И много душ в заветный час
Я увлеку на дно.

И в этой мгле морского дна,
Нежней, чем воды рек,
Им будет сниться вышина,
Погибшая навек.

ВЕНЧАНИЕ

Над невестой молодою
Я держал венец.
Любовался, как мечтою,
Этой нежной красотой,
Этой легкою фатою,
Этим светлым «Наконец!»

Наконец она сумела
Вызвать лучший сон.
Все смеялось в ней и пело.
А с церковного придела,
С высоты на нас глядела
Красота немых окон.

Мы вошли в лучах привета
Гаснувшей зари.
В миг желанного обета,
Нас ласкали волны света,
Как безгласный звук завета: –
«Я горю, и ты гори!»

И в руке у новобрачной
Теплилась свеча.
Но за ней, мечтою мрачной,
Неуместной, неудачной,
Над фатой ее прозрачной,
Я склонялся, у плеча.

Вкруг святого аналая
Трижды путь пройден.
Нет, не будет вам покоя,
Будут дни дождей и зноя,

Я пою, за вами стоя: –
«Дух кружиться присужден!»

Да, я знаю сладость, алость,
Нежность влажных губ.
Но еще верней усталость.
Ожиданье, запоздалость,
Вместо страсти – только жалость,
Вместо ласки – с трупом труп.

Вот, свершен обряд венчальный,
И закат погас.
Точно хаос изначальный,
В церкви сон и мрак печальный.
Ты вошла с зарей прощальной,
Ты выходишь в темный час.

ВО ВЛАСТИ ВСЕХ ВЕЩЕЙ

Я делаюсь мгновеньями во власти всех вещей,
И с каждым я, пред каждым я, и царственно ничей.

Восторг придет, – и пьяный я. Придет тяжелый труд.
Смотрите: все бежали прочь. Взгляни: я, верный, тут.

Заблудшую собаку я увижу пред собой,
Со зверем зверь, люблю ее. Но, сердце, дальше! Пой!

О, пой о всех, кто чувствовал бездонную тоску,
И вдруг вернись к бесстрастию, как светлый дождь в реку.

В великое Безликое уйди как бы навек,
Хотя без нас там каждый час так много-много рек.

И, вечно твой, всегда с тобой, не изменю судьбе.
Но в страшный миг, о, милый друг, я не приду к тебе.

БРЕТАНЬ

Сонет

Затянут мглой свинцовый небосвод,
Угрюмы волны призрачной Бретани.
Семь островов Ар-Гентилес-Руссот,
Как звери, притаилися в тумане.

Они как бы подвижны в Океане,
По прихоти всегда неверных вод.
И, полный изумленья, в виде дани,
На них свой свет неясный Месяц льет.

Как сонмы лиц, глядят толпы утесов,
Седых, застывших в горечи тоски.
Бесплодны бесконечные пески.

Их было много, сумрачных матросов.
Они идут. Гляди! В тиши ночной
Идут туманы бледной пеленой.

УТОПЛЕННИКИ

Сонет

Лишь только там, на западе, в тумане,
Утонет свет поблекнувшего дня,
Мои мечты, как мертвые в Бретани,
Неумолимо бродят вокруг меня.

Надежды, осужденные заране,
Признания, умершие – стена,
Утопленники в темном Океане,
Погибшие навек из-за меня.

Они хотят, в забвение обиды,
Молить заупокойной панихиды.
Моих молитв, о, Боже, не огринь! –

Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
Ты медлишь? Угрожаешь мне? Пророчишь?
Будь проклята! Будь проклята! Аминь!

ПРОПОВЕДНИКАМ

Сонет

Есть много струй в подлунном этом мире,
Ключи поют в пещерах, где темно,
Звоня, как дух, на семиструнной лире,
О том, что духам пенье суждено.

Нам в звонах наслаждение одно.
Мы духи струн мирских на шумном пире.

Но вам, врагам, понять нас не дано,
Для рек в разливе надо русла шире.

Жрецы элементарных теорем,
Проповедей вы ждете от поэта?
Я проповедь скажу на благо света, –

Не скукой слов, давно известных всем,
А звучной полногласностью сонета,
Не найденной пока еще никем!

ХВАЛА СОНЕТУ

Сонет

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменной твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой,

Чей стан воздушный, с грудью молодой,
Хранит сиянье магового света,
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, –
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

Я НЕ ИЗ ТЕХ

Сонет

Я не из тех, чье имя легион,
Я не из царства духов безымянных.
Пройдя пути среди равнин туманных,
Я увидал безбрежный небосклон.

В моих зрачках – лишь мне понятный сон,
В них мир видений зыбких и обманных,
Таких же без конца непостоянных,
Как дымка, что скрывает горный склон.

Ты думаешь, что в тающих покровах
Застыл едва один-другой утес?
Гляди: покров раскрыт дыханьем гроз.

И в цепи гор, для глаза вечно-новых,
Как глетчер, я снега туда вознес,
Откуда виден мир в своих основах!

ОЖЕСТОЧЕННОМУ

Я знаю ненависть, и, может быть, сильнее,
Чем может знать ее твоя душа больная,
Несправедливая, и полная огней
Тобою брошенного рая.

Я знаю ненависть к звериному, к страстям
Слепой замкнутости, к судьбе неправосудной,
И к этим тлеющим кладбищенским костям,
Нам данным в нашей жизни скудной.

Но, мучимый как ты, терзаемый года,
Я связан был с тобой безмолвным договором,
И вижу, ты забыл, что брат твой был всегда
Скорей разбойником, чем вором.

С врагами – дерзкий враг, с тобой – я вечно твой,
Я узнаю друзей в одежде запыленной.
А ты, как леопард, укушенный змеей,
Своих терзаешь, исступленный!

В БАШНЕ

В башне с окнами цветными
Я замкнулся навсегда,
Дни бегут, и в светлом дыме
Возникают города,
Замки, башни, и над ними
Легких тучек череда.

В башне, где мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно-цветные
Без конца внушают сны,
Эти стекла расписные
Мне самой Судьбой даны.

В них я вижу, как две тени
Обнимаются, любя,
Как, упавши на колени,
Кто-то молится, скорбя,
В них я вижу в быстрой смене
Землю, небо, и себя.

Там, за окнами, далеко,
С непочагой вышины,
Смотрит огненное око
Неба, Солнца, и Луны,
Но окно мое высоко,
То, что мне внушает сны.

То, меж окнами цветными,
На которое смотрю,
В час когда, как в светлом дыме,
Я приветствую зарю,
И с виденьями родными
Легкой грезой говорю.

На другие обращаю
В час заката жадный взор,
В час, когда уходит к раю
Тихий вечер на дозор,
И лепечет: «Обещаю,
Вновь увидишь мой убор».

На другие я с отрадой
Устремляю ночью взгляд,
В час когда живет прохладой,
Полный вздохов, сонный сад.
И за призрачной оградой
Светляки меж трав горят.

Так живу, как в светлом дыме,
Огнецветные цветы,
Над ошибками земными
Посмеваясь с высоты,
В башне с окнами цветными
Переливчатой мечты.

К ДАЛЬНЕМУ

Замкнуться, как в тюрьму, в одну идею,
Я знаю этот сон, мой дальний брат,
Я медленно, но верно холодею,
И, раз уйдя, я не приду назад.

Ты отошел в страну без перемены,
Оставивши безвольно мир земной,
А я себе свободно создал стены,
И упоен тюремной тишиной.

Есть в жизни смерть, спокойная, как травы,
Хранимые, на память, за стеклом,
Иссохший знак утраченной забавы,
Пройденная эпоха, перелом.

Седые тесно сжатые виденья
До времени с землей разлучены,
Они забыть не могут наслажденье,
И тайно дышат запахом весны.

Их кто-то чудный взял своей рукою,
И все ж они блаженствуют года.
Так как же счастлив я с моей тоскою,
Полюбленной свободно – навсегда!

ОТ УМЕРШЕГО К ЖИВОМУ

Скажи ему, что я его люблю,
Что я его как прежде понимаю,
И, как корабль к чужому кораблю,
Взываю в час, когда я погибаю, –

К нему, к нему, далекому навек,
Бегущему по водам Океана,
Чтоб отдохнуть на устьях мощных рек,
Средь стройных мачт родного каравана, –

Меж тем как я, свой образ изменив,
Несоразмерив тяжести влекомой,
Забыв, что был и я, как он, красив.
Склоняюсь к бездне жутко-незнакомой, –

И ветры безучастные молю
Протяжностью своих предсмертных звонов.
Скажи ему, что я его люблю
За то, что он – не слышал этих стонов!

ОСТРОВ ВИЛИЭ-ЛЬЯВОЛА

Где-то на острове Вилиэ-Льявола

Души есть, лишь пред собою преступные.
Богом забытые, но недоступные
Обетованиям лживого Дьявола.

Им захотелось разрыва гармонии: –
Цели испортив, упиться причинами,
Розы любя, в их живом благоволии
Смертью меняющей встать над долинами.

Смертью пытающей, в вечном течении,
Вечною казнью казнить преходящее: –
Все в отдалении, все в отвлечении,
Ярко одно размышление глядящее.

Ведаю, вы ко всему прикоснулись,
Жадные пчелы, стесненные сотами!
Что же вы тайны своей ужаснулись,
Вы, окруженные стройными гротами?

Жизнь разлюбившие, чувством уставшие,
Что же самим вы себе прекословите?
Все усмехаясь, как что-то понявшие,
Что ж бесполезное не остановите?

То вы мелькнете воздушною ризою,
Светлые духи, с улыбкой беспечною,
То улыбаетесь с Моною Лизою,
Мир осуждая с игрой его вечною.

То прошумите вы звуками Шумана,
Сонами Манфреда, неукротимыми,
Вновь упадете, все передумано,
Снова смеетесь над снами любимыми.

Кинетесь к слову, кричите Верленами,
И возвещаете сладость молчания.
Беспеременные за переменами,
Миг вы мучительный, без окончания.

Старость возвратная, вечность раскаянья,
Для непостижности жертва закланная,
Самосжигание, мудрость отчаянья,
Противоречие, правда обманная.

Без покровительства Бога и Дьявола,
Вечно томитесь вы, снам недоступные.
О, неподкупные, души преступные,
Где-то на острове Вилиэ-Льявола.

Весь полный розовых и голубых мечтаний,
Овеян душностью влюбляющих духов,
Весь в крыльях бабочек, в отливах трепетаний
Полуисторгнутых, но замедленных слов. –

Окутан звуками заученных мелодий,
Как будто созданных мечтой лишь для того,
Чтоб убаюканным шептаться на свободе,
О том, что сладостней и вкрадчивей всего, –

Весь воплощенная полуночная чара,
Как пир среди чумы, манящий с давних пор,
Как странный вымысел безумного Эдгара,
Для нас пропевшего навеки «Nevermore», –

Наш бал, раскинутый по многошумным залам,
Уже закончил лик сокрытой красоты,
И чем-то веяло холодным и усталым
С внезапно дрогнувшей над нами высоты.

Да, полночь отошла с своею пышной свитой
Проникновеннейших мгновений и часов,
От люстры здесь и там упал хрусталь разбитый,
И гул извне вставал враждебных голосов.

Измяты, желтизной подернулись лица,
Крылом изломанным дрожали веера,
В сердцах у всех была дочитана страница,
И новый в окнах свет шептал: «Пора! Пора!»

И вдруг все замерли, – вот, скорбно доцветают,
Стараясь продлить молчаньем забытье: –
Так утром демоны колдуний покидают,
Сознавши горькое бессилие свое.

РАЗЛУКА

Сонет

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто меня не любит,
Как мать-сыра-земля.
Песня бродяги

Есть люди, присужденные к скитаньям,
Где б ни был я, – я всем чужой, всегда.

Я предан переменчивым мечтаньям,
Подвижным, как текучая вода.

Передо мной мелькают города,
Деревни, села, с их глухим страданьем.
Но никогда, о, сердце, никогда
С своим я не встречался ожиданьем.

Разлука! След чужого корабля!
Порыв волны – к другой волне, несхожей.
Да, я бродяга, топчущий поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любит, как земля!

МОЛИТВА О ЖЕРТВЕ

Пилой поющею подточен яркий ствол
Еще не выжившей свой полный век березы.
На землю ниспроверг ее не произвол,
Не налетевшие прерывистые грозы.

Она, прекрасная, отмечена была
Рукой сознательной для бытия иного: –
Зажечься и гореть, – блестя, сгореть дотла, –
И в помыслах людей теплом зажечься снова.

Но прежде, чем она зардеет и сгорит,
Ей нужен долгий путь, ей надо исказиться: –
Расчетвертована, она изменит вид,
Блестящая кора, иссохнув, затемнится.

Под дымным пламенем скоробится она,
И соки жил ее проступят точно слезы,
Победно вспыхнет вдруг, вся свету предана, –
И огненной листвой оделся дух березы!

Я с жадностью смотрю на блеск ее огня: –
Как было ей дано, погибшей, осветиться!
– Скорее, Господи, скорей, войди в меня,
И дай мне почернеть, иссохнуть, исказиться!

МИМОЛЕТНОЕ

From isle to isle...

Shelley

От острова к острову...

Шелли

ЛЕСНЫЕ ТРАВЫ

Я люблю лесные травы
Ароматные,
Поцелуи и забавы,
Невозвратные.

Колокольные призывы,
Отдаленные,
Над ручьем уснувшим ивы,
Полусонные.

Очертанья лиц мелькнувших,
Неизвестные,
Тени сказок обманувших,
Бестелесные.

Все, что манит и обманет
Нас загадкою,
И навеки сердце ранит
Тайной сладкою.

БЛЕДНАЯ ТРАВКА

Бледная травка под ветхим забором
К жизни проснулась в предутренний час,
Миру дивясь зеленеющим взором,
Бледная травка, ты радуешь нас.

Месяцу, воздуху, Солнцу, и росам
Ты отдаешься, как светлой судьбе,
Ты ни одним не смутишься вопросом,
Не задрожешь в безысходной борьбе.

Чуть расцветешь, и уже отцветаешь,
Не доживешь до начала зимы.
Ты пропадаешь, но ты не страдаешь,
Ты умираешь отрадней, чем мы.

АРОМАТ СОЛНЦА

Запах Солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В Солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нежно-светлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышет вешним пеньем птиц,
Дышет смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам: –
Будет вам!
Не узреть вам райских врат.
Есть у Солнца аромат,
Сладко внятный только нам,
Зримый птицам и цветам!

ГЛУШЬ

Луг – болото – поле – поле,
Над речонкой ивы.
Сладко дышится на воле,
Все цветы красивы!

Все здесь нежит глаз и ухо
Ласкою веселой.
Прожужжала где-то муха,
Шмель гудит тяжелый.

Всюду – божия коровки,
Розовые кашки,
Желто-белая головки
Полевой ромашки.

Нежно-тонки очертанья
Задремавшей дали...
Полно, разве есть страданья?
Разве есть печали?

ЗАТОН

Когда ты заглянешь в прозрачные воды затона,
Под бледною ивой, при свете вечерней звезды,
Невнятный намек на призыв колокольного звона
К тебе донесется из замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасные лица,
Испуганным взором заметишь меж ними себя,
И в сердце твоём за страницей вспыхнет страница.
Ты будешь читать их, как дух, не скорбя, не любя.

И будут расти ото дна до поверхности влаги
Узоры упрямо и тесно сплетенных ветвей,
И будут расти и меняться, – как призраки саги
Растут, изменяясь в значеньи и в силе своей.

И все, что в молчании ночи волнует и манит,
Что тайною чарой нисходит с далеких планет,
Тебя в сочетанья свои завлечет – и обманет,
И сердце забудет, что с ними слияния нет.

Ты руку невольно протянешь над сонным затоном,
И миг все бесследно исчезнет, – и только вдали,
С чуть слышной мольбою, с каким-то заоблачным звоном,
Незримо порвется струна от небес до земли.

ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

Прорезав тучу, темную, как дым,
Последний луч, в предчувствии заката,
Горит угрюмо, – он, что был живым
Когда-то!

Тесниной смутных гор враждебно сжата,
Одна долина светом золотым
Еще живет, блистательно-богата.

Но блеск ушел к вершинам вековым,
Где нет ни трав, ни снов, ни аромата.
– О, да, я помню! Да! я был живым,

Когда-то!

ЗАКАТНЫЕ ЦВЕТЫ

О, краски закатные! О, лучи невозвратные!
Повисли гирляндами облака просветленные.
Равнины туманятся, и леса необъятные,
Как будто не жившие, навсегда утомленные.

И розы небесные, облака бестелесные,
На доли печальные, на селения бедные,
Глядят с состраданием, на безвестных – безвестные,
Поникшие, скорбные, безответные, бледные!

РАВНИНА

Необозримая равнина,
Неумолимая земля,
Леса, холмы, болота, тина,
Тоскливо-скудные поля.

Полгода – холод беспощадный.
Полгода – дождь и душный зной,
Расцвет природы безотрадной
С ее убогою весной.

Полупогаснувшие взоры
Навек поблекшего лица,
Неизреченные укоры,
Порабощенность без конца.

Невоплощенные зачатья, –
О, трижды скорбная страна,
Твое название – проклятье,
Ты навсегда осуждена.

МОЛЕБЕН

Темной толпою, в часовне убогой,
Путь завершив, и пред новой дорогой,
Суетность нашу забыв на мгновенье,
Тупо мы слушаем сонное пенье.

В тесном пространстве, где дух наш взрастил
Тайное древо невидимых сил,
Таает вздыхающий дым от кадил.

Что-то есть страшное в этих бряцаньях,
В этих покорных глухих восклицаньях,
Молятся звуки и души послушно,
Что же им в узкой часовне так душно?

Явственно чувствую горький упрек,
В звуки молитв проскользнувший намек –
Тайное слышащих, дышащих строк.

В потные стекла не видно лазури,
В дверь не проникнут ни ветры, ни бури,
Силою дней закопчены иконы,
Вечны пред ними бессильные стоны.

Грустно склонивши морщинистый лоб,
Что-то вещает нам загнанный поп: –
«Жизнь наша – душная – темная... – Гроб!»

В ОКРЕСТНОСТЯХ ОДЕССЫ

Узкая полоска синего Лимана,
Желтая пустыня выжженных песков.
Город, измененный дымкою тумана,
Медленные тени белых облаков.

Чахлая трава, измученная зноем,
Вдоль прямой дороги серые столбы.
Все здесь дышет скучным тягостным покоем,
Всюду здесь неподвижность пасмурной судьбы.

Только вечный ветер носится бесцельно,
Душным дуновеньем, духом мертвеца.
Только облака проходят беспредельно,
Скучную толпой проходят без конца.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕЧЕРЕ В АМСТЕРДАМЕ

Медленные строки

О, тихий Амстердам,
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!

Зачем я здесь, – не там,
Зачем уйти не волен,
О, тихий Амстердам,
К твоим церковным звонам,
К твоим, как бы усталым,
К твоим, как бы затонам,
Загрязившим каналам,
С безжизненным их лоном,
С закатом запоздалым,
И ласковым, и алым,
Горящим здесь и там,
По этим сонным водам,
По сумрачным мостам,
По окнам и по сводам
Домов и колоколен,
Где, преданный мечтам,
Какой-то призрак болен,
Упрек сдержать не волен,
Тоскует с долгим стоном,
И вечным перезвоном
Поет и здесь и там...
О, тихий Амстердам!
О, тихий Амстердам!

ИСЛАНДИЯ

Валуны, и равнины, залитые лавой,
Сонмы глетчеров, брызги горячих ключей.
Скалы, полные грусти своей величавой,
Убеленные холодом бледных лучей.

Тени чахлах деревьев, и Море... О, Море!
Волны, пена, и чайки, пустыня воды!
Здесь забытые скальды, на влажном просторе,
Пели песни при свете вечерней звезды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
С именами железными, духи морей,
От ветров получили суровые чары
Для угрюмой томительной песни своей.

И в строках перепевных доньне хранится
Ропот бури, и гром, и ворчанье волны,
В них кричит альбатрос, длиннокрылая птица,
Из воздушной, из мертвой, из вольной страны.

АНТИФОНЫ

Je porte dans mon âme le reflet
des richesses stériles d'un grand
nombre de rois oubliés.
Villiers de L'Isle-Adam

Я ношу в своей душе
отраженье бесплодных богатств
многочисленных забытых царей.
Вилье де Лиль-Адам

* * *

Нам нравятся поэты,
Похожие на нас,
Священные предметы,
Дабы украсить час, –

Волшебный час величья,
Когда, себя сильней,
Мы ценим без различья
Сверканья всех огней, –

Цветы с любым узором,
Расцветы всех начал,
Лишь только б вашим взорам
Их пламень отвечал, –

Лишь только б с нашей бурей
Сливался он в одно,
От неба или фурий, –
Не все ли нам равно!

К ГЕРМЕСУ ТРИСМЕГИСТУ

О, Гермес Трисмегист, троекратно великий учитель,
Бог наук и искусств и души роковой искуситель!

Ты мне передал власть возрождать то, что сердце забыло,
Как Египет весной возрожден от разлития Нила.

От разлитья реки, чьи истоки окутаны тайной,
И случайно зажглись, но приносят расцвет не случайный.

Недостойный металл в благородный могу превращать я,
От тебя восприняв драгоценные чары заклятья.

От тебя получил я ту влагу целебную жизни,
Что меня навсегда приобщает к небесной отчизне.

И во имя тебя я бессмертие всем обещаю,
И умерших людей я к загробным мирам приобщаю.

Ты со мною везде и безгласно твердишь о святине,
Как глубокий покой задремавшей Либийской пустыни.

Ты в венце из огня предо мною, о, бог многоликий,
О, Гермес Трисмегист, о, мудрец троекратно великий!

К БОДЛЕРУ

Как страшно-радостный и близкий мне пример,
Ты все мне чудишься, о, царственный Бодлер,
Любовник ужасов, обрывов, и химер!

Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин,
Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин,
Ты, между варваров заложник-властелин!

Ты, знавший Женщину, как демона мечты,
Ты, знавший Демона, как духа красоты,
Сам с женскою душой, сам властный демон ты!

Познавший таинства мистических ядов,
Понявший образность гигантских городов,
Поток бурлящийся, рожденный царством льдов!

Ты, в чей богатый дух навек перелита
В одну симфонию трикратная мечта:
Благоухания, и звуки, и цвета!

Ты, дух блуждающий в разрушенных мирах,
Где привидения друг в друге будят страх,
Ты, черный, призрачный, отверженный монах!

Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о, маг и чародей,
Чтоб я без ужаса мог быть среди людей!

К ЛЕРМОНТОВУ

Нет, не за то тебя я полюбил,

Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем неразделяемых мучений,
За то, что ты нечеловеком был.

О, Лермонтов, презрением могучим
К бездушным людям, к мелким их страстям,
Ты был подобен молниям и тучам,
Бегущим по нетронутым путям,
Где только гром гремит псалмом певучим.

И вижу я, как ты в последний раз
Беседовал с ничтожными сердцами,
И жестким блеском этих темных глаз
Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!»
Ты говорил: «Как душно мне среди вас!»

ГИПЕРБОРЕИ

За горами Рифейскими, где-то на север от Понта,
В странах мирных и ясных, где нет ни ветров, ни страстей,
От нескромных укрытые светлою мглой горизонта,
Существуют издревле селенья блаженных людей.

Не бессмертны они, эти люди с блистающим взглядом,
Но они непохожи на нас, утомленных грозой,
Эти люди всегда отдаются невинным уладам,
И питаются только цветами и свежей росой.

Почему им одним предоставлена яркая слава,
Безмятежность залива, в котором не ленится вал,
Почему неизвестна им наших мучений отравы,
Этой тайны святой самый мудрый из нас не узнал.

Не бессмертны они, эти люди, меж нами – другие,
Но помногу веков предаются они бытию,
И, насытившись жизнью, бросаются в воды морские,
Унося в глубину сокровенную тайну свою.

СТРАНА ИССЕДОНОВ

Сие приятное баснословие...
Карамзин

На восток от аргиппеев,
Там, в Татарии Великой,

Змей живет, краса всех змеев,
Многочудный, многоликий.

Там, без тягостных законов,
В заколдованной долине,
Жило племя исседонов,
Говорят, живет доньше.

Судьбы их – гиероглифы,
Край их – золотом богатый,
И таинственные грифы
Стерегут тот край залятый.

Восемь месяцев – целебный
Холод дышет над строною,
И летает змей волшебный,
И мерцает чешуею.

Кто туда неосторожно
Из другой страны залянет,
Тот, – предание неложно, –
В изумленьи камнем станет.

Все пути туда заляты,
Возле самого преддверья
Льды восходят, как палаты,
Снег и град, как пух и перья.

Камни, золото, и холод,
Закаленная природа,
И никто ни стар, ни молод,
Неизменно в год из года.

Только змей в игре извивов,
Золотисто-изумрудный,
Изменяет цвет отливов,
Многоликий, многочудный.

ИЗБРАННИКУ

Отчего так бесплодно в душе у тебя
Замолкают созвучья миров?
Отчего, не любя ни других, ни себя,
Ты печален, как песня без слов?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленных небесных глубин.
Пробудись и восстань, и воздушную ткань,
Развернув, созерцай не один.

О, раскрой перед нами узоры мечты,
Загоревшейся в сердце твоём!
Покажи нам черты сверхземной красоты,
Мы полюбим ее и поймем!

Те же мысли у каждого дремлют в тиши,
И мгновенья заветного ждут.
О, приди, поспеши, и для каждой души,
От созвучья, цветы расцветут.

Мы ответим как Море на ласку Луны,
А не вражеским криком врагу: –
Мы как брызги волны из одной глубины,
Мы умрем на одном берегу!

* * *

Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов.

ИЗ ЗЕНД-АВЕСТЫ

Гимн

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
И Тистрия. Гаома – бог Бессмертья,
Могучий Веретрагна – бог Победы,
И Тистрия – молниеносных Бурь.
Но выше их есть бог – Агурамазда,
Он создал все, в чем знание и жизнь.
Молитва – дочь его; святое слово –
Его душа; святое помышление
Есть луч от Солнца правды запредельной,
Есть отзвук сочетаний мировых,
Проникновенный взгляд Агурамазды.
Воздайте же Всевышнему хвалу!
О, ты, всегда единый в разных формах!
Пресветлый бог порядка, Ашаван!
Агура, пышно-царственный властитель!

Датар, создатель света, бог огня!
Всевидящий, всеведущий, Маздао!

ОТТУДА

Я обещаю вам сады...
Коран

Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки.

Я призываю вас в страну,
Где нет печали, ни заката,
Я посвящу вас в тишину,
Откуда к бурям нет возврата.

Я покажу вам то, одно,
Что никогда вам не изменит,
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит.

Идите все на зов звезды,
Глядите, я горю пред вами.
Я обещаю вам сады
С неомраченными цветами.

ЛУНА

O sovereign mistress of true melancholy.
Shakespeare

Луна богата силою внушенья,
Вокруг нее всегда витает тайна.
Она нам вторит: «Жизнь есть отраженье,
Но этот призрак дышит не случайно».

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу побуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поцелуя.

Своим ущербом, смертью двухнедельной,
И новым полномостным воссияньем,
Она твердит о грусти не бесцельной,

О том, что свет нас ждет за умираньем.

Но вас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски беспеременной,
Верховная владычица печали!

ТУЧИ

Но разве тучи не рабы?
Случевский

Нет рабства в мире, если все – одно.
Сам создал я неправду мирозданья,
Чтоб было ей в грядущем суждено,

Пройдя пути измены и страданья,
Вернуться вновь к таинственной черте,
Где примет все иные очертанья,

Где те же мысли – вот, уже не те.
Так серые пары, покинув травы,
Возносятся к безмерной высоте,

Роняют тень на доли, на дубравы,
Их светел путь, их манит гул борьбы,
И радугой они пред миром правы.

Нет, ты неправ! Нет, тучи не рабы!

* * *

Я в глазах у себя затаил
Отраженье сокровищ чужих,
Красоту позабытых могил,
И другим недосказанный стих.

Я в душе у себя отыскал
Гармонически бьющий родник:
Этих струй уже кто-то алкал,
Но губами он к ним не приник.

Оттого-то в словах у меня
Так загадочно много огней: –
Я закат непогасшего дня,
Я потомок могучих царей.

ПРОГАЛИНЫ

Wyście jak przepaści, a w głębiach
waszych tajnie ukryte błękitu.
Zygmunt Krasinsky

Вы как пропасти, а в глубинах
ваших скрыты тайны лазури.
Зигмунт Красинский

ПУТЬ ПРАВДЫ

Сонет

Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза,
Когда вам истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющего глаза
Горит узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрешенность сна,
Из угля черного – рождение алмаза.
Нам правда каждый раз – сверхчувственно дана,
Когда мы вступим в луч священного экстаза.

В душе у каждого есть мир незримых чар,
Как в каждом дереве зеленом есть пожар,
Еще не вспыхнувший, но ждущий пробужденья.

Коснись до тайных сил, шатни тот мир, что спит,
И, дрогнув радостно от счастья возрожденья,
Тебя нежданное так ярко ослепит.

ПАПОРОТНИК

Тенью легкой и неслышной
Я замедлил у пути,
Там где папоротник пышный
Должен будет расцвести.

Освященный нож доставши,
Очертил заклятый круг;
Возле скатерть разостлавши,

Жду. Но чу! Шипящий звук!

Это дьяволы толпою
Собрались вокруг меня,
Смотрят, манят за собою,
Брызжут искрами огня.

Но бесстрастный, безучастный,
Я стою в своем кругу.
С этой челядью подвластной
Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
Умножаются они,
Страшен лик их искаженный,
И сильней горят огни.

Но в груди сдержав волнение,
Заклинанья я шепчу,
Жду заветного мгновенья,
И дождусь, чего хочу.

Сон придет. Цветок волшебный,
Что блестит однажды в год,
Златоцветный и целебный,
На мгновенье расцветет.

И смущенный, изумленный,
Я тогда его сорву.
Тотчас папоротник сонный
Озарит кругом траву.

Я пройду толпу видений,
Без оглядки убегу,
И источник наслаждений
Возле сердца сберегу.

И навеки этот властный,
Драгоценный амулет
Будет мне светить, как ясный,
Но никем не зримый свет.

Доверяясь этой жгучей
И таинственной звезде,
Я пройду, как дух могучий,
По земле и по воде.

Мне понятны будут строки
Ненаписанных страниц
И небесные намеки,
И язык зверей и птиц.

Мир тому, кто не боится
Ослепительной мечты,
Для него восторг таится,
Для него цветут цветы!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Сонет

Бог входит в существа, как Солнце сквозь окно,
Когда оно встает за гранью кругозора.
Откроем занавес, нам всем светить дано,
Быть жгучими, любить, быть частью узора.

Непогасим огонь внимательного взора,
Неисчерпаем блеск того, что суждено.
Лик Солнца восстает в безличьи кругозора,
И весь различный мир скрепляет он в одно.

Туманы превратив в разорванные тучи,
Ток огненных полос коснулся вышних гор,
И в глубину долин, светясь, глядятся кручи.

Там нежный сон садов, там синий свет озер,
И пробужденья чувств, несознанно-могучи,
Сливают шум листвы в один протяжный хор.

И ДА, И НЕТ

1

И *да*, и *нет* – здесь все мое,
Приемлю боль – как благостыню,
Благословляю бытие,
И если создал я пустыню,
Ее величие – мое!

2

Весенний шум, весенний гул природы
В моей душе звучит не как призыв.
Среди живых – лишь люди не уроды,
Лишь человек хоть часть красив.

Он может мне сказать живое слово,

Он полон бездн мучительных, как я.
И только в нем ежеминутно ново
Видение земного бытия.

Какое счастье думать, что сознаньем,
Над смутой гор, морей, лесов, и рек,
Над мчащимся в безбрежность мирозданьем,
Царит непобедимый человек.

О, верю! Мы повсюду бросим сети,
Средь мировых неистоцимых вод.
Пред будущим теперь мы только дети.
Он – наш, он – наш, лазурный небосвод!

3

Страшны мне звери, и черви, и птицы,
Душу томит мне животный их сон.
Нет, я люблю только беглость зарницы,
Ветер и моря глухой перезвон.

Нет, я люблю только мертвые горы,
Листья и вечно-немые цветы,
И человеческой мысли узоры,
И человека родные черты.

4

Лишь демоны, да гении, да люди,
Со временем заполнят все миры,
И выразят в неизреченном чуде
Весь блеск еще не снившейся игры, –

Когда, уразумев себя впервые,
С душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластные стихии: –
Земля, Огонь, и Воздух, и Вода.

5

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней, чем век,
Все – тонкие штрихи законченной картины,
Все – тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума – широкие дороги,
Все вспышки страстные – подъемные мосты,
И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы все-таки дойдем до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись сквозь туман,
На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет сившийся, но скрытый Океан.

И цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздающую тьму,
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнем к Немю.

6

То будет таинственный миг примирения,
Все в мире воспримет восторг красоты,
И будет для взора не три измерения,
А столько же, сколько есть снов у мечты.

То будет мистический праздник слияния,
Все краски, все формы изменятся вдруг,
Все в мире воспримет восторг обаяния,
И воздух, и Солнце, и звезды, и звук.

И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, —
И день не умрет никогда, никогда!

7

Будут игры беспредельные,
В упоительности цельные,
Будут песни колыбельные,
Будем в шутку мы грустить,

Чтобы с новым упоением,
За обманчивым мгновением,
Снова ткать с протяжным пением
Переливчатую нить.

Нить мечтанья бесконечного,
Беспечального, беспечного,
И мгновенного и вечного,
Будет вся в живых огнях,

И, как призраки влюбленные,
Как-то сладко-утомленные,
Мы увидим — измененные —
Наши лица — в наших снах.

Идеи, образы, изображенья, тени,
 Вы, вниз ведущие, но пышные ступени, –
 Как змей сквозь вас вьюсь, я вас люблю равно,
 Чтоб видеть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики в сосуде драгоценном,
 Вдыхаю в нем вино, с его восторгом пленным,
 Ту влагу выпью я, и по золотым краям
 Дам биться отблескам и ликам и теням.

Вино горит сильней – незримое для глаза,
 И осушенная – богаче, ярче ваза.
 Я сладко опьянен, и, как лукавый змей,
 Покинув глубь, всхожу... Еще! Вот так! Скорей!

Я – просветленный, я кажусь собой,
 Но я не то, – я остров голубой:
 Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
 Он издали являет цвет лазури.

Я – вольный сон, я всюду и нигде: –
 Вода блестит, но разве луч в воде?
 Нет, здесь светя, я где-то там блистаю,
 И там не жду, блесну – и пропадаю.

Я вижу все, везде встает мой лик,
 Со всеми я сливаюсь каждый миг.
 Но ветер как замкнуть в пределах зданья?
 Я дух, я маг, я страж мирознанья.

Звуки и отзвуки, чувства и призраки их,
 Таинство творчества, только что созданный стих.

Только что срезанный свежий и влажный цветок,
 Радость рождения – этого пения строк.

Воды мятежились, буря гремела, – но вот
 В водной зеркальности дышит опять небосвод.

Травы обрызганы с неба упавшим дождем.
 Будем же мучиться, в боли мы тайну найдем.

Слава создавшему песню из слез роковых,

Нам передавшему звонкий и радостный стих!

ЧЕТ И НЕЧЕТ

Медленные строки

Утром рано,
Из тумана,
Солнце выглянет для нас.
И осветит,
И заметит
Всех, кто любит этот час.

Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадает звон минут.
О минувшем,
Обманувшем
Их напевы нам поют.

Точно с крыши,
Тише, тише,
Капли падают дождя.
Все прольются,
Не вернуться,
Этот темный путь пройдя.

Звук неясный,
Безучастный,
Панихиды нам поет.
«Верьте, верьте
Только смерти!
Чет и нечет! Нечет, чет!

Чет счастливым
И красивым,
Слабым нечет, недочет!
Но, редя,
Холодея,
Чет и нечет протечет!»

Звук неясный,
Безучастный,
Ты поешь, обман тая.
Нет, не верю,
И в потерю
Смысл иной влагаю я.

Верьте, верьте

Только смерти
Нас понявшего Христа!
Солнце встанет,
Не обманет,
Вечно светит красота!

Цель страдания,
Ожиданья,
Всем нам светлый даст отчет.
В мир согласный,
Вечно-ясный,
Чет и нечет нас влечет.

ИНДИЙСКИЕ ТРАВЫ

Tat tvam asi. –То есть ты.
Основоположение индийской мудрости

Познавший сущность стал выше печали.
Шри-Шанкара-Ачария

МАЙЯ

Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветущий в столетие раз,
Пряный, дышал между гор, на вершинах.
Месяц за скалы проплыл и погас.

В темной пещере, задумчивый йоги,
Маг-заклинатель, бледней мертвеца,
Что-то шептал, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читал он, святое моление;
Только прочел – и пред ним, как во сне,
Стали качаться, носиться виденья,
Стали кружиться в ночной тишине.

Тени, и люди, и боги, и звери,
Время, пространство, причина, и цель,
Пышность восторга, и сумрак потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань без предела, картина без рамы,
Сонмы враждебных бесчисленных «я»,
Мрак отпадения от вечного Брамь,

Ужас мучительный, сон бытия.

К самому небу возносятся горы,
Рушится с гулом утес на утес,
Топот и ропот, мольбы и укоры,
Тысячи быстрых и звонких колес.

Бешено мчатся и люди и боги...
«Майя! О, Майя! Лучистый обман!
Жизнь – для незнающих, призрак – для йоги,
Майя – бездушный немой океан!»

Скрылись виденья. На горных вершинах
Ветер в узорах ветвей трепетал.
Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветок вековой, отцветал.

КРУГОВОРОТ

Не только люди и герои,
Волненье дум тая,
Томятся жаждой в душном зное
Земного бытия.
Но даже царственные боги
Несут тяжелый плен,
Всегда витая на пороге
Все новых перемен.

Они счастливее, чем люди,
Герои равны им,
Но все они скорбят о чуде
Всем существом своим.
В оковах жизни подневольной
Запутанных миров,
Скорбят о вечности безбольной
Непреходящих снов.

И только Он, Кто всех их видит
С незримой высоты,
Кто бледной травки не обидит,
В Чьем лоне я и ты, –
Лишь только Он, всегда блаженный,
Ничем не утомлен,
И жизнь с ее игрой мгновенной
Пред ним скользит, как сон.

Никем не понят и незнаем,
Он любит свет и тьму,
И круг заветный мы свершаем,

Чтобы прийти к Нему.
Как луч, от Солнца, в жгучем зное,
Сквозь бездну мглы скользим,
И вновь – к Нему, в святом покое,
И вот мы снова – с Ним!

ИНДИЙСКИЙ МОТИВ

Как красный цвет небес, которые не красны,
Как разногласье волн, что меж собой согласны,
Как сны, возникшие в прозрачном свете дня,
Как тени дымные в круг яркого огня,
Как отсвет раковин, в которых жемчуг дышит,
Как звук, что вслух идет, но сам себя не слышит,
Как на поверхности потока белизна,
Как лотос в воздухе, растущий ото дна,
Так жизнь с восторгами и с блеском заблужденья
Есть сновидение иного сновиденья.

ЖИЗНЬ

Жизнь – отражение лунного лика в воде,
Сфера, чей центр – повсюду, окружность – нигде,
Царственный вымысел, пропасть глухая без дна,
Вечность мгновения – миг красоты – тишина.

Жизнь – трепетание Моря под властью Луны,
Лотос чуть дышащий, бледный любимец волны,
Дымное облако, полное скрытых лучей,
Сон, создаваемый множеством, всех – и ничей.

КАК ПАУК

Как паук в себе рождает паутину,
И, тяжелый, создает воздушность нитей, –
Как художник создает свою картину,
Закрепляя мимолетное событий, –

Так из Вечного исходит мировое –
Многосложность и единство бытия.
Мир один, но в этом мире вечно двое: –
Он, Недвижный, Он, Нежаждущий – и я.

ИЗ УПАНИШАД

Все то, что существует во вселенной, –
Окутано в воздушную одежду,
Окружено Создателем всего.
Среди теней, в движении сплетенных,
Недвижное есть Существо одно,
В неподвижности – быстрее, чем пламя мысли,
Над чувствами оно царит высоко,
Хотя они, как боги, в высь парят,
Стремясь достичь того, что непостижно;
Оно глядит на быстрый ток видений,
Как воздух – обнимая все кругом,
И жизненную силу разливая.
Недвижно движет всем; далеко – близко;
Оно внутри вселенной навсегда.
И кто проникновенным взором взглянет
На существа как дышащие в нем,
И на него как Гения Вселенной,
Тогда, поняв, что слитна эта ткань,
Ни на кого не взглянет он с презреньем.

ИНДИЙСКИЙ МУДРЕЦ

Как золотистый плод, в осенний день дозревший,
На землю падает, среди стеблей травы,
Так я, как бы глухой, слепой, и онемевший,
Иду, не поднимая головы.

Одно в моих зрачках, одно в замкнутом слухе;
Как бы изваянный, мой дух навек затих.
Ни громкий крик слона, ни блеск жужжащей мухи
Не возмутят неподвижных черт моих.

Сперва я, как мудрец, беседовал с веками,
Потом свой дух вернул к первичной простоте,
Потом, молчальником, я приобщился к Бrame,
И утонул в бессмертной красоте.

Четыре радуги над бурною вселенной,
Четыре степени возвышенных надежд,
Чтоб воссоздать кристалл из влаги переменной,
Чтоб видеть мир, не подымая вежд.

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Тот, пред Кем, Незримым, зримо
Все, что в душах у людей,
Тот, пред Кем проходят мимо
Блески дымные страстей, –

Кто, Неслышимый, услышит
Каждый ропот бытия,
Только Тот бессмертьем дышит
В нераздельно-слитном я.

Тот, в Чьем духе вечно новы
Солнце, звезды, ветер, тьма,
Тот, Кому они – покровы
Для сокрытого ума, –

Тот, Кто близко и далеко,
Перед Кем вся жизнь твоя
Точно радуга потока, –
Только Тот есть вечно – я.

Все закаты, все рассветы
В Нем возникли и умрут,
Все сердечные приметы
Там зажглись, блистая – тут.

Все лучи в росе горящей
Повторяют Тот же лик,
Солнца лик животворящий,
В Солнце каждый луч возник.

Все, что – здесь, проходит мимо,
Словно тень от облаков.
Но очам незримым – зрима
Неподвижность вечных снов.

Он живет, пред Кем проводит
Этот мир всю роскошь сил,
Он, Единый, не уходит,
В час захода всех светил!

БЕЗВЕТРИЕ

Entonces huelga el hombre
andando entre las estrellas.
Luis de Granada

Тогда-то наслаждается человек,
проходя среди звезд.
Люис де Гранада

В тихом безветрии
Светлых пространств...
Случевский

АЛЬБАТРОС

Над пустыней ночью морей альбатрос одинокий,
Разрезая ударами крыльев соленый туман,
Любовался, как царством своим, этой бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался под ним Океан.

И порой омрачаясь, далеко, на небе холодном,
Одинок плавала, одиноко горела Луна.
О, блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным!
Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!

СВЕТЛЫЙ ГЕРОЙ

Я слышал о светлом Герое,
Свободном от всяких желаний,
О нем, перешедшем поток.
В лучистом застыл он покое,
Покинув наш мир восклицаний
Для славы несозданных строк.

В разрывах глубокой лазури,
В краю отодвинутой дали,
С ним тайно колдует Судьба.
К нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему не знакома борьба.

С бессмертной загадкой во взоре,
Он высится где-то над нами,
В душе отразив небосвод.
В высоко-мятущемся Море
Он остров забытый ветрами,
Среди успокоенных вод.

ПОТУХШИЕ ФАКЕЛЫ

Факелы, тлея, чадят,
Утомлен наглядевшийся взгляд.
Дым из каминов излит,
Наслаждение, усталое, спит.

О, наконец, наконец,
Затуманен блестящий дворец!
Мысль, отчего ж ты не спишь, –
Вкруг тебя безнадежная тишь!

Жить, умирать, и любить,
Беспредельную цельность дробить, –
Все это было давно
И, скользнув, опустилось на дно.

Там, в полумгле, в тишине,
Где-то там, на таинственном дне,
Новые краски царят,
Драгоценные камни горят.

Ниже, все ниже, все вниз,
Замолчавшей душой устремись!
В смерти нам радость дана, –
Красота, тишина, глубина!

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС ЛУНЫ

Южный полюс Луны задремал, он уснул между гор величавых,
Поражающих правильной формой своей.
Это – мысль, заключенная в стройных октавах,
Эти горы живут без воды, в полосе неподвижных лучей, –

Ослепительно-ярких, как ум, и лежащихся отблеском странным
На долины, что спят у подножия гор,
Между кратеров мертвых, всегда светлотканых,
Вечно тихих, нетронутых тьмой, и ничей не ласкающих взор.

Эти страшные горы горят неподвижностью вечного света,
Над холодным пространством безжизненных снов,
Это ужас мечты, это дума веков,
Запредельная жизнь Красоты, беспощадная ясность Поэта.

БЛЕДНЫЙ ВОЗДУХ

Бледный воздух прохладен.
Не желай. Не скорби.
Как бы ни был ты жаден,
Только Бога люби.

Даль небес беспредельна.
О, как сладко тому,
Кто, хотя бы бесцельно,
Весь приникнет к Нему.

В небе царствуют луны.
Как спокойно вокруг них!
Златоцветные струны
Затаили свой стих.

Скоро звезды проснутся.
Сочетаясь в узор,
Их намеки сплетутся
В серебристый собор.

Звезды – вечные души.
Звезды свечи зажгли.
Вот все глуше и глуше
Темный ропот земли!

Нет границ у лазури.
Слышишь медленный звон?
Это прошлые бури
Погружаются в сон.

Тихо в царстве покоя.
Круг заветный замкнут.
Час полночного боя
Отошедших минут!

Воздух чист и прохладен.
Этот миг не дробь.
Как бы ни был ты жаден,
Только Бога люби!

НЕМОЛЧНЫЕ ХВАЛЫ

Можно петь немолчные хвалы,
Говоря всегда одно в то же.
Я люблю провалы горной мглы,
Где кричат голодные орлы,
Узкий путь, что с каждым мигом строже –
Выше, выше мчит узор скалы.
Но на свете мне всего дороже –

Радость вечно петь Тебе хвалы,
Милосердный Боже!

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Камень Иоанна, нежный изумруд,
Драгоценный камень ангелов небесных, –
Перед теми двери Рая отомкнут,
Кто тебя полюбит в помыслах чудесных, –
Цвет расцветшей жизни, светлый изумруд!

Твердая опора запредельных тронов,
Яшма, талисман апостола Петра, –
Храм, где все мы можем отдохнуть от стонов
В час, когда приходит трудная пора, –
Яшма, украшение запредельных тронов!

Камень огневой неверного Фомы,
Яркий хризолит оттенка золотого, –
Ты маяк сознания над прибоем тьмы,
Через тебя мы в Боге убедимся снова, –
Хризолит прекрасный мудрого Фомы!

Символы престолов, временно забытых,
Гиацинт, агат, и дымный аметист, –
После заблуждений, сердцем пережитых,
К небу возвратится тот, кто сердцем чист, –
Легкий мрак престолов, временно забытых!

Радость высших духов, огненный рубин,
Цвета красной крови, цвета страстной жизни, –
Между драгоценных камней властелин,
Ты нам обещаешь жизнь в иной отчизне, –
Камень высших духов, огненный рубин!

ПРЕДВЕЩАНИЕ

Сонет

Мне все равно: царем ли быть могучим,
Иль мудрецом, средь отреченных книг,
Иль облаком, бегущим к дальним тучам,
Чтоб засветиться молнией на миг.

Всему и всем сочувственный двойник,
Я ввысь иду по лабиринтным кручам,

Судьба зовет, покой пустынь велик,
И стих в душе звучит ключом гремучим.

Туда, туда! За грани вечных гор!
Вершины спят. Лазурь, покой, простор.
Властительны невидимые чары.

В предсмертной мгле дрожит одна звезда,
Над дольней тьмой, где дымные пожары.
Вершины спят. Скорей! Туда, туда!

ВЕРШИНЫ

Медленные строки

Вершины белых гор
Под красным Солнцем светят.
Спроси вершины гор,
Они тебе ответят.

Расскажут в тихий час
Багряного заката,
Что нет любви для нас,
Что к счастью нет возврата.

Чем дальше ты идешь,
Тем глубже тайный холод.
Все – истина, все – ложь,
Блажен лишь тот, кто молод.

Нам скупо светит день,
А ты так жаждешь света.
Мечтой свой дух одень,
В ином не жди привета.

Чем выше над землей,
Тем легче хлопья снега,
С прозрачной полумглой
Слилась немая нега.

В прозрачной полумгле
Ни мрака нет, ни света.
Ты плакал на земле,
Когда-то, с кем-то, где-то.

Пойми, один, теперь: –
Нет ярче откровенья,
Как в сумраке потерь
Забвение мгновенья.

Мгновенье красоты
Бездонно по значенью,
В нем высшее, чем ты,
Служи предназначенью!

Взойди на высоту,
Побудь как луч заката,
Уйди за ту чергу,
Откуда нет возврата!

МОСТ

Между Временем и Вечностью,
Как над брызнувшей водой,
К нам заброшен бесконечностью
Мост воздушно-золотой, –

Разноцветностью играющий,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любит Бога своего, –

Кто, забыв свое порочное,
Победил громаду зол,
И, как радуга непрочная,
Воссиял – и отошел.

БЕЛАЯ СТРАНА

Я – в стране, что вечно в белое одета,
Предо мной – прямая долгая дорога.
Ни души – в просторах призрачного света,
Не с кем говорить здесь, не с кем, кроме Бога.

Все что было в жизни, снова улыбнется,
Только для другого, – нет, не для меня.
Солнце не вернется, счастье не проснется,
В сердце у меня ни ночи нет, ни дня.

Но еще влачу я этой жизни бремя,
Но еще куда-то тянется дорога.
Я один в просторах, где умолкло время,
Не с кем говорить мне, не с кем, кроме Бога.

СМЕРТИЮ – СМЕРТЬ

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata...
S. Ambrosius

Прочь да отступят виденья
И привиденья ночей!
Св. Амвросий

* * *

I had a dream...
Lord Byron

Я видел сон, не все в нем было сном,
Воскликнул Байрон в черное мгновенье.
Зажженный тем же сумрачным огнем,
Я расскажу, по силе разуменья,
Свой сон, – он тоже не был только сном.

И вас прося о милости вниманья,
Незримые союзники мои,
Лишь вам я отдаю завоеванье,
Исполненное мудростью Змеи.
Но слушайте мое повествованье.

Мне грезилась безмерная страна,
Которая была когда-то Раем;
Она судьбой нам всем была дана,
Мы все ее, хотя отчасти, знаем,
Но та страна проклятью предана.

Ее концы, незримые вначале,
Как стены обозначились мне,
И видел я, как, полные печали,
Дрожанья звезд в небесной вышине,
Свой смысл поняв, навеки отзвучали.

И новое предстало предо мной.
Небесный свод, как потолок, стал низким;
Украшенный игрушечной Луной
Он сделался до отвращенья близким,
И точно очертился круг земной.

Над этой ямой, вогнутой и грязной,
Те сонмы звезд, что я всегда любил,

Дымились, в игре однообразной,
Как огоньки, что бродят меж могил,
Как хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосе,
Что не была достаточно далекой,
Толпились дети, юноши – и все
Толклись на месте в горести глубокой,
Томились, как белка в колесе.

Но мир Земли и сочетаний звездных,
С роскошеством дымящихся огней,
Достойным балаганов затрапезных,
Все делался угрюмей и тесней,
Бросая тень от стен до стен железных.

Стеснилось дыхание у всех,
Но многие еще просвета ждали
И, стоя в склепе дедовских утех,
Друг друга в чадном дыме не видали,
И с уст иных срывался дикий смех.

Но, наконец, всем в Мире стало ясно,
Что замкнут Мир, что он известен весь,
Что как желать не быть собой – напрасно,
Так наше Там – всегда и всюду Здесь,
И Небо над самим собой не властно.

Я слышал вопли: «Кто поможет? Кто?»
Но кто же мог быть сильным между нами!
Повторный крик звучал: «Не то! Не то!»
Ничто смеялось, сжавшись, за стенами, –
Все сморщенное страшное Ничто!

И вот уж стены сдвинулись так тесно,
Что груды этих стиснутых рабов
В чудовище одно слилась чудесно,
С безумным сонмом ликов и голов,
Одно в своем различьи повсеместно.

Измучен в подневольной тесноте,
С чудовищной Змеею липко скован,
Дрожа от омерзенья к духоте,
Я чувствовал, что ум мой заколдован,
Что нет конца уродливой мечте.

Вдруг, в ужасе, неизвестном дотолле,
Я превратился в главный лик Змеи,
И Мир – был мой, я – у себя в неволе.
О, слушайте, союзники мои,
Что сделал я в невыразимой боли!

Все было серно-иссиня-желто.
Я развернул мерцающие звенья,
И, Мир порвав, сам вспыхнул, – но зато,
Горя и задыхаясь от мученья,
Я умертвил ужасное Ничто.

Как сонный мрак пред властью рассвета,
Как облако пред чарою ветров,
Вселенная, бессмертием одета,
Раздвинулась до самых берегов,
И смысла их – и дальше – в море Света.

Вновь манит Мир безвестной глубиной,
Нет больше стен, нет сказки жалко-скудной,
И я не Змей, уродливо-больной,
Я – Люцифер небесно-изумрудный,
В Безбрежности, освобожденной мной.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 1.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>